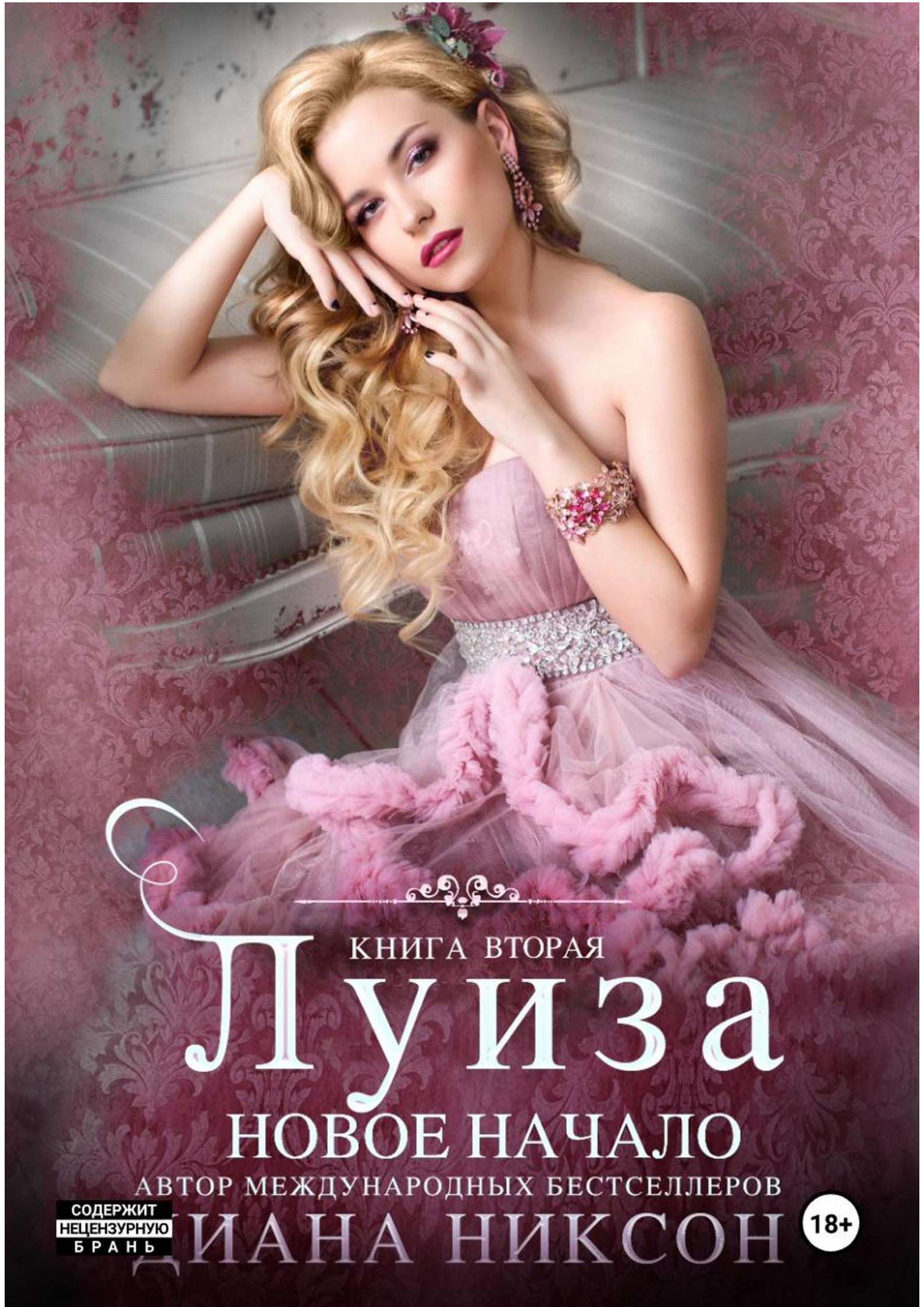

КНИГА ВТОРАЯ
Луиза
НОВОЕ НАЧАЛО
АВТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ
ДИАНА НИКСОН
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Диана Никсон

Луиза: Новое Начало

«Автор»
2026

Никсон Д.

Луиза: Новое Начало / Д. Никсон — «Автор», 2026

Жизнь не всегда легка. Особенно если ты влюблена в мужчину, жизнь которого так сильно отличается от твоей. Власть, деньги, уважение – обо всем этом девушка, выросшая в приюте, может только мечтать. Но порой любовь – это единственная сила, которая тебе нужна для того, чтобы получить желаемоеЛуиза Вудс всегда была борцом. Она с детства знала, что все имеет свою цену. Но единственное, чего у нее никогда не было, - это свобода. Живя в мире лжи и предательства, пожертвует ли она своей любовью ради того, чтобы наконец стать свободной? Или же позволит своему сердцу одержать победу?Новое путешествие, полное страсти и запретных мечтаний. Это новый танец, это новая жизнь.- Мы начнем все с самого начала, с самого первого поцелуя

© Никсон Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 11
Глава 2 17
Глава 3 24
Глава 4 30
Глава 5 36
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Диана Никсон
Луиза: Новое Начало

Пролог

Нью-Йорк, 2005

Уильям

Я ужасно опаздывал на встречу с отцом. Я взглянул на часы и ускорил шаг, прокладывая себе путь через толпу, заполонившую железнодорожную станцию.

Сегодня был день, которого я ждал целую вечность, день, когда должна была осуществиться моя самая заветная мечта; день, когда я собирался стать официальным преемником своего отца. *Наконец-то.*

Сколько я себя помнил, я всегда хотел быть похожим на своего отца – сильного и успешного мужчину, каждое слово которого было приказом. Когда я был ребенком, то думал, что каждый мужчина, одетый в костюм и галстук, был *«ходячей буквой закона»*. Я мысленно улыбнулся, оглядывая то, что сегодня было на мне надето – мой самый первый костюм, который казался будто позаимствованным у кого-то. Это был не я, а незнакомец, который был намного мудрее и намного умнее, чем настоящий Уильям Блэр. Я не чувствовал себя ходячей буквой закона, по крайней мере пока. Я все еще чувствовал себя маленьким мальчиком, не уверенным в том, готов ли я делать то, чего от меня ожидала моя семья; я не ощущал, что сегодня именно *тот* день, я все еще мечтал о великом, и надеялся, что мои мечты в конце концов сбудутся.

Самое смешное во всем этом было то, что до этого самого момента я никогда не задумывался о силе мечты - одной из самых волнительных и загадочных вещей в мире. Мечты подобны коротким историям, которые наши сердца и души пишут для нас. Они заставляют людей совершать удивительные вещи: мотивируют нас, позволяют видеть то, о существовании чего мы даже не подозревали, иными словами, они меняют нас.

Они изменили и меня…

Впервые я пришел в офис своего отца десятилетним мальчиком. Его офис находился в Эмпайр Стейт Билдинг, одном из самых высочайших небоскребов в мире. Я стоял в фойе с широко распахнутыми глазами. Для меня это было как целый новый мир. Никто не обращал внимания на ребенка, который бродил сам по себе, пока один из охранников не подошел ко мне, сказав: «Отличный день для экскурсии, молодой человек, не правда ли?» Он был одет в темно-синюю униформу, из кармана его рубашки свисал значок; согласно удостоверению личности, его звали Милтон. Ему было около двадцати, может быть чуть больше.

— Не знаю, сэр, - ответил я, глядя на него сверху вниз. – Люди приходят сюда на экскурсии?

— Постоянно.

— Я пришел сюда по делу, - сказал я, направляя камеру, которая была у меня в руках, на огромные витражные окна. Я любил фотографию и везде брал с собой камеру. Это был подарок моего отца, моя драгоценная *«игрушка»* и самый лучший подарок из всех, которые я когда-либо получал. Тогда я был уверен, что фотография станет моей жизнью, но как известно, у жизни всегда свои планы…

— О, правда?

Парень улыбнулся мне, как будто подумал, что я шучу.

– У тебя здесь встреча?

– Да, сэр. Я здесь для того, чтобы увидеться со своим отцом.

Я посмотрел на только что отснятую фотографию, одобрительно кивнул и выключил камеру.

– А кто твой отец?

— Рэндэл Блэр, - ответил я, ощущая гордость.

У парня расширились глаза.

– О… Понятно…

Очевидно, это имя было ему знакомо.

– Ты пришел сюда один? Или ты здесь со своей мамой?

— Меня сюда привез Кристофер, наш водитель. Он сказал мне подняться на пятьдесят третий этаж и попросить секретаря проводить меня в кабинет отца.

— Окей, почему бы мне не пойти с тобой? Ну, знаешь, чтобы убедиться, что ты не заблудишься.

Он снова улыбнулся, на этот раз шире. Могу поспорить, я был первым ребенком, которого Милтон видел здесь, совсем одного, и который сказал, что пришел сюда по делу.

Я равнодушно пожал плечами. Мне казалось, что я достаточно взрослый для того, чтобы самостоятельно найти кабинет своего отца, но я не хотел грубить Милтону, поэтому согласился. В конце концов, это была его работа – обеспечивать безопасность здания и людей.

— Хорошая камера, - сказал он, ожидая, пока лифт откроется на нужном нам этаже. — Ты любишь фотографию?

Я кивнул, улыбнувшись.

— Да, люблю.

— Думаю, именно ты заменишь своего отца, когда он уйдет в отставку, ведь так?

Я нахмурился, не зная, как ответить на его вопрос.

— Он никогда не говорил мне, что я должен пойти по его стопам.

— Но я уверен, это именно то, чего он ждёт. Погоди, ты вырастешь и захочешь того же.

О, если бы Милтон только знал, что его предсказание однажды сбудется…

— Вот мы и на месте, сэр, - сказал он, как только лифт остановился и двери открылись в просторный холл.

— Кейт! – Позвал он девушку с рыжими волосами, сидевшую за столом в форме полумесяца. — Пришел сын мистера Блэра, чтобы увидеться с ним.

Она кивнула, встала и подошла к нам, широко улыбаясь Милтону. Они были примерно одного возраста, и я видел, что Милтон был рад встрече с Кейт. Я предположил, что именно она была настоящей причиной, по которой он повел меня наверх.

— Уильям, верно? – Спросила Кейт, подойдя ко мне. — Твой отец ждет тебя. Пожалуйста, следуй за мной.

Но перед тем, как сделать это, я повернулся к Милтону и пожелал ему удачного дня.

— Надеюсь, вам здесь понравится, сэр, - сказал он в ответ.

И мне действительно понравилось, так сильно, что я не мог перестать говорить об этом следующую пару недель. Я сидел и ждал, когда мой отец вернется вечером домой только для того, чтобы спросить все, что мог только придумать о компании и о том, как она работала. Некоторое время спустя я понял, что Милтон был прав. Мой отец действительно хотел, чтобы я пошел по его стопам, и хотя я до сих пор бредил фотографией, все же легко мог представить себя однажды сидящим в его большом кожаном кресле…

И вот сегодня я собирался на еще один шаг приблизиться к этой большой мечте, которая вот-вот должна была стать реальностью. Я никогда открыто не говорил, что это было моей мечтой с десяти лет. Я окончил школу, брал уроки фотографии в Париже, которыми, должен

признать, я остался очень доволен, но глубоко внутри все, чего я хотел, – это стать *им* – мужчиной, которого я с гордостью называл своим отцом.

Я до сих пор чувствовал волнение, которое ощутил в тот день, когда впервые пришел в офис своего отца, почти десять лет назад. Но только сегодня присутствовал еще и страх, боязнь не оправдать его ожидания, боязнь неудачи.

Никто не видел, как сильно я нервничал. Толпа вокруг меня была слишком занята решением собственных проблем. Я не винил их. Я был одним из них, со своей жизнью, о которой следовало беспокоиться.

Вдруг что-то привлекло мое внимание. Я присмотрелся и увидел на полу мигающий огонек красного цвета, всего в нескольких шагах от меня. Я замедлил шаг, надеясь, что это было не то, о чем я подумал. Потом я подошел ближе и остановился как вкопанный.

«Это невозможно», — подумал я. Я внимательно осмотрелся вокруг, но казалось, никому не было дела до маленькой девочки, сидевшей на куске картона, с железным браслетом, застегнутым вокруг одной из ее лодыжек. Я заметил красный свет, свет, который сказал обо всем – девочка была из *«Рая»*, худшего места в мире или, скорее даже, ада на земле для детей или любого другого человека, переступившего его порог.

Я тихо выругался. Я знал о *«Рае»* слишком много, чтобы поверить в то, что этот чертов браслет, также известный как трекер, на лодыжке девочки был всего лишь мерцающим ювелирным украшением. Это было ее проклятье, жестокая реальность, которую она не могла изменить…

Я вспомнил тот день, когда отец впервые рассказал мне о *«Рае»*. Он сказал, что это был приют для детей, в котором вырос и он сам. Он сказал, что это место не было похоже на другие приюты, в которых родители оставляли своих детей потому, что они были им не нужны. Это было место, где должны были храниться секреты. И под секретами я подразумеваю незаконнорожденных детей знаменитых и влиятельных людей, чьи жизни были бы осложнены существованием этого ребенка, ребенка, который не должен был даже родиться. В *«Раю»* они отслеживали каждый шаг, совершаемый детьми, а когда те становились достаточно взрослыми, чтобы уйти, они отпускали их, чтобы они могли жить так, как те того хотели. Но только некоторые из них могли противостоять жестокости внешнего мира. Лишь немногим удавалось стать теми, кем они хотели стать. Им не разрешалось знать о том, кем были их биологические родители. Многие полагали, что они просто умерли.

Девочке с железнодорожной станции было лет десять, от силы двенадцать. Она была одета в темное пальто, порванное и грязное. Она заметно тряслась, засовывая руки поглубже в карманы пальто. Сомнений не было, она замерзала. Моей первой мыслью было забрать ее со станции, накормить и купить ей новую одежду. Но потом я вспомнил, что отец рассказывал мне о правилах *«Рая»*, и передумал. Девочке нельзя было разговаривать с незнакомцами, а мне нельзя было помогать ей; из-за меня у нее могли быть большие неприятности.

Но было что-то во взгляде ее глаз, что не отпускало меня, – он был ищущим и наивным, но полным надежды. Она посмотрела вниз на пустую шляпу, лежавшую возле ее скрещенных ног, и вздохнула. Никто не остановился и не дал ей и пенни.

Я знал, что мне нужно что-то делать, помочь ей, но я не знал, как это сделать и не стать причиной проблем для нее. Я подошел ближе, заботливо глядя на девочку. Я не хотел пугать ее. И хотя я спешил, я не мог уйти, не поговорив с ней.

Я вытащил бумажник из кармана своего пиджака, открыл его и достал оттуда стодолларовую купюру, надеясь улучшить девочке настроение. Я положил банкноту в ее шляпу и стал ждать. Сначала я подумал, что она не видит меня. Потом она повернула голову к шляпе на земле и тихонько ахнула. Я улыбнулся. Могу поспорить, я был одним из немногих, если не единственным, кто дал ей так много денег.

— Спасибо, - сказала она, глядя на меня снизу вверх. В ее зеленых глазах было так много света, как будто они подсвечивались изнутри.

Я улыбнулся ей в ответ.

— Как тебя зовут? – спросил я.

— Луиза, - ответила она после короткой паузы. Мы оба знали, что ей не следует разговаривать со мной, и я вдруг так возгордился ее маленькой попыткой продемонстрировать то, какой смелой она была.

«Маленький боец», — подумал я. Не знаю откуда, но я каким-то образом знал, что она была не такой, как остальные дети из *«Рая»*. Безграничное волнение, которое я видел в ее взгляде, выдавало гораздо большее, чем она думала. Несомненно, она надеялась, что у нее будет лучшая жизнь, полная радости и вещей, о которых дети из приюта могут только мечтать.

Мое сердце сжалось при одной лишь мысли о том, что я оставлю ее на станции. Она казалось такой маленькой, такой хрупкой. Даже ее громадное пальто не смогло бы защитить и согреть ее.

— Луиза, - тихо повторил я. — Какое красивое имя.

Ее щеки покраснели.

— Спасибо, - пробормотала она, опустив глаза на свои руки. Ее перчатки были все в дырах и выглядели так, будто она носила их лет сто или даже больше, хотя подобное было невозможно, учитывая ее юный возраст.

— Вот, возьми мои перчатки, - сказал я. — Твои выглядят не очень хорошо.

Она замешкалась, внимательно осматриваясь вокруг, очевидно боясь, что кто-то из *«Рая»* может увидеть ее разговаривающей со мной и принимающей мой маленький подарок.

— Возьми их, тебе они нужны больше, чем мне.

Она кивнула и взяла перчатки.

— Ты ведь не собираешься потратить мою сотню на сладости или мороженое?

Я знал, что она никогда бы так не поступила, даже если бы ее злые наставники позволили ей сохранить деньги.

— Я куплю себе новый шарф, - сказала девочка, удивив меня своими словами. Она спрятала деньги глубоко в карман и снова осмотрелась вокруг. Но вокруг нас было слишком много людей, и никому не было дела до того, что она делает.

— У тебя хватит денег и на покупку нового пальто, - сказал я.

— Я последую вашему совету, сэр.

Я кивнул, а потом снова посмотрел на часы.

— Мне нужно идти. Ты пообещаешь мне кое-что?

— Все, что угодно, - ответила она, снова удивив меня своей смелостью.

— Не позволяй никому делать тебе больно.

— Обещаю.

— Хорошо. Удачного дня, Луиза.

— И вам, сэр.

Я уже было двинулся вперед, потом остановился и повернулся, чтобы посмотреть на нее в последний раз.

«Я найду тебя, Луиза, — сказал я про себя. — *Я обещаю это»*.

***

Я не мог перестать думать о девочке, которую встретил на станции. Она сказала, что ее имя Луиза, и для меня оно звучало как имя из другой галактики. Может быть, это было оттого, что оно принадлежало именно ей. Почему-то она казалось особенной, отличавшейся от

любого, кого я когда-либо встречал в своей жизни – ангелочек, живущий в аду, но с надеждой однажды обрести крылья и улететь далеко, где никто и ничто не сможет причинить ей боль.

Первое, что я сделал, когда встретился с отцом, – спросил его о *«Рае»*.

— Есть ли возможность забрать её оттуда?

— Сын, я так не думаю. Мы не можем помочь ей. Даже если она была туда отправлена случайно. Я имею в виду, даже если ее родители не платили за то, чтобы ее держали там, *«Рай»* никогда не позволит своим детям уйти до тех пор, пока им не исполнится восемнадцать. Это единственное правило, которое не может быть нарушено.

— Думаешь, они позволят мне снова её увидеть? Я бы хотел что-нибудь сделать для нее, может быть, купить ей новую одежду.

— Ты можешь попытаться поговорить с их директором. Но я очень сильно сомневаюсь в том, что это что-то изменит. Детям из *«Рая»* разрешено жить только той жизнью, которую это место предлагает им, и не более того.

Я не думал, что когда-нибудь почувствую себя таким раздраженным и беспомощным одновременно. Но я все равно решил попробовать. Я поехал в *«Рай»* и попросил о встрече с директором. Марлена оказалась настоящей стервой. В тот момент, когда я сказал, что хочу помочь одной из ее девочек, она сказала, что это невозможно, потому что все дети должны жить в одинаковых условиях, никаких исключений.

— Могу я хотя бы присылать ей маленькие подарки? – спросил я Марлену.

— Можете. Но помните, вы не можете присылать ей ничего слишком ценного. И я бы очень сильно рекомендовала вам, чтобы это было то, чем она сможет поделиться с другими. Дети ненавидят, когда один имеет больше, чем остальные.

Я кивнул в ответ.

— Я запомню это.

С того дня я начал посылать Луизе разные подарки, надеясь, что они сделают ее жизнь по крайней мере более сносной, пока она вынуждена оставаться в этом богом забытом месте. Я не знал, каково это – жить ее жизнью, но судя по тому, что я видел и что отец рассказывал мне о своем собственном детстве, это было совсем не сладко. Еще я посылал Луизе письма. Предполагалось, что они будут вызывать у нее улыбку, не более того. Почему-то для меня было важно знать, что она много улыбается. Я просто хотел, чтобы она была счастлива, даже если, учитывая ужасные условия её жизни, это случалось не часто. К несчастью, большая часть проблем, с которыми мы сталкиваемся, вырастая, – это следствие того, что нам пришлось пережить в детстве. Я не хотел однажды узнать, что будущее Луизы было разрушено воспоминаниями о ее детстве. Я знал, что ни мои подарки, ни мои письма не смогли бы ничего изменить, но надеялся, что у нее будет что-то хорошее, пусть и маленькое, на память о ее жизни в *«Раю»*.

Я никогда не переставал заботиться о Луизе. Год за годом я наблюдал за тем, как она растет. После смерти отца моя жизнь изменилась, я постоянно был в разъездах и проводил в Нью-Йорке совсем мало времени. Но даже находясь вне дома, я просил Кристофера убедиться в том, что с Луизой все в порядке.

Он фотографировал ее и потом посылал снимки мне. Он рассказал мне о том, как она нарушила комендантский час и прокралась в кондитерскую, чтобы купить сладости. Однажды он сказал мне, что видел ее танцующей на железнодорожной станции. Камеры у него с собой не оказалось, но он сказал, что она была такой счастливой, когда танцевала; люди останавливались, чтобы посмотреть на нее, и давали ей деньги. Она улыбалась и благодарила их за доброту. Кристофер также рассказал, что каждую ночь, возвращаясь в приют, она достает из кармана кожаные перчатки и на несколько мгновений надевает их, закрывает глаза и улыбается, потом снимает и прячет в рюкзак или карман. Он сказал, что она делает это даже в теплую погоду.

Я улыбнулся, услышав это, но не рассказал ему, что это были, скорее всего, те самые перчатки, которые я дал ей в день нашей первой встречи. Это делало меня счастливым; простое осознание того, что она помнит меня, давало мне веру в то, что однажды, когда ей наконец разрешат покинуть *«Рай»*, я смогу снова увидеть ее и, возможно, смогу помочь с мечтами о будущем или просто поговорить с ней.

У меня всегда было странное ощущение того, что моя история с Луизой еще не окончена, что придет день, когда она и я встретимся в другом месте, в другом мире, где все будет проще. Может быть, это был просто обман моего воображения, не знаю. Но идея о наблюдении за тем, как Луиза начнет новую и лучшую жизнь, была весьма заманчивой. Я хотел помочь ей; мне нужно было знать, что она получила все, что не могла позволить себе, будучи ребенком. Всякий раз когда я думал о ней, я вспоминал своего отца, который, как я полагаю, был еще одним поводом моего желания сделать что-то хорошее для Луизы. Его со мной больше не было, но воспоминания о нем были такими яркими. Я помнил каждое слово, которое он мне рассказывал о *«Рае»*, и я пообещал ему, что позабочусь о Луизе.

Я не мог помочь каждому в *«Раю»*, хотя у меня было достаточно денег для того, чтобы купить это чертово место вместе со стервой Марленой, но я не знал ничего о других детях, *«заключенных»* там, или об их родителях. Но был по крайней мере один ребенок, которого я точно мог сделать счастливым. Луиза заслуживала этого, и я собирался быть там, когда ей наконец разрешат стать свободной…

Глава 1

Настоящие дни

Уильям

Иногда мы проводим всю свою жизнь в поисках того, кто способен заставить наши сердца биться чаще. Мы посещаем разные места, знакомимся с разными людьми, рискуем, мы находим и теряем. Но порой одного взгляда достаточно, чтобы все понять, увидеть, что прямо на тебя смотрит твое будущее. И в тот момент, когда это происходит, все меняется: твое прошлое, настоящее и будущее. Кажется, даже самые лучшие твои воспоминания меркнут по сравнению с теми, которые ты хочешь разделить с тем, в кого влюбляешься так сильно, что не можешь отвести взгляд даже на мгновение. Потому что глубоко внутри ты уже знаешь, что начиная с этого момента ничто и никогда уже не будет так, как прежде.

То же самое было со мной и Луизой.

Я даже представить себе не мог, что в день, когда мы встретимся вновь, спустя почти десять лет, я все так же буду очарован ею. Конечно, она была уже не ребенком, а взрослой женщиной, полной грации и ослепляющей красоты, которая до сих пор верила в то, что мир можно изменить одной простой улыбкой. Эта часть её — хрупкая душа с грандиозными планами на будущее — все еще жила внутри нее. И даже годы, проведенные в *«Раю»*, не смогли этого изменить. А единственное, чего не смог изменить я, — научиться держаться от нее подальше.

Я дал ей слово, пообещав, что не буду пытаться контролировать ее жизнь. Я сказал, что буду ждать столько, сколько ей будет нужно для того, чтобы понять, чего она хочет в будущем, и хочет ли, чтобы в этом будущем был я… Я очень надеялся, что да.

Я не имел права удерживать ее возле себя, зная, как сильно ей нужно было почувствовать себя свободной, впервые за всю свою жизнь. У нее никогда не было права принимать решения. И сейчас настал ее черед выбирать. Я любил ее слишком сильно, чтобы забрать у нее все это, и не важно, как больно было отпускать ее, после всех тех прекрасных мгновений, что мы пережили вместе.

Я до сих пор помнил тот день, когда мой мир полностью изменился. В Париже была поздняя ночь, когда на экране моего ноутбука появилось новое письмо. Оно было от Кристофера, он часто присылал мне электронные письма с новостями из Штатов. Старик настолько пристрастился к современным технологиям, он сказал, что пользоваться интернетом ему нравилось намного больше, чем телефоном, что было довольно необычно для человека его возраста, который провел большую часть своей молодости, нет, беру свои слова обратно - *своей жизни*, без сотового телефона в кармане.

Я не был в Штатах уже несколько месяцев и скучал по своему старому другу, который был рядом со дня моего рождения. Он был не просто водителем и мажордомом; после трагической смерти отца он стал мне вторым отцом, моим настоящим другом, с которым я мог поговорить о чем угодно, и единственным человеком во всем мире, которому я доверял больше чем самому себе.

К электронному письму было прикреплено несколько файлов.

«Она превратилась в великолепную молодую женщину», — прочитал я единственную строчку, написанную в письме, а затем открыл первый файл.

Это была фотография Луизы. Я не нуждался в том, чтобы Кристофер пояснял, о ком идет речь, я знал, что он говорил о девочке, которую я встретил несколько лет назад на одной из железнодорожных станций Нью-Йорка.

Я просмотрел снимки и улыбнулся про себя. *Она изменилась…*

Я не получал ее снимков на протяжении долгого времени. Кристофер говорил, что с ней все в порядке, но сегодня впервые за долгие годы он позволил мне снова увидеть ее.

Она выглядела такой счастливой. Кто бы мог подумать, что девочка, выросшая в таком месте, как *«Рай»*, могла выглядеть такой счастливой. Она улыбалась все той же знакомой улыбкой, которую я впервые увидел на ее лице много лет назад. Воспоминания в моей голове были настолько яркими, как будто это было только вчера.

— Действительно красивая, — прошептал я, снова пересматривая фотографии.

Я не отрываясь смотрел на новую Луизу, знакомую незнакомку, о которой мне не терпелось узнать больше. Как и в день нашей первой встречи, в ней было что-то такое, что-то особенное… В том, как ее лицо озарялось в ответ тайным мыслям в ее голове, в том, как она смотрела на вход в *«Рай»*, держа в руках маленький чемоданчик. Несомненно, она была счастлива покинуть это отвратительное место. Ей наконец-то было позволено начать новую жизнь.

Я потянулся к своему телефону и позвонил Кристоферу.

— Полагаю, ты получил мое письмо, — сказал он вместо приветствия.

— Да, и тебе привет, — сказал я в ответ. — Она покинула *«Рай»*, ведь так?

— Этим утром.

— Тебе известно, куда она отправилась?

— Нет, но я знаю, что ее отправили работать в закрытый мужской клуб.

— Сделай список всех клубов в городе, мне нужно найти ее.

— Ты собираешься пойти туда и увидеться с ней?

— Да.

На другом конце провода повисла пауза, а затем Кристофер сказал:

— Я так и знал… знал, что ты не сможешь удержаться от возвращения в Нью-Йорк в ту самую секунду, когда отправил тебе фотографии этой девушки…

Я засмеялся в трубку. Мои глаза прошлись по одной из ее фотографий на экране монитора моего ноутбука.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя навязчивым преследователем. Но все, чего я хочу, это… убедиться в том, что она в порядке.

— Конечно… Ну, в любом случае, мы не знаем, где она сейчас, поэтому мне придется провести небольшое расследование, и я перезвоню вам, *сэр*, как только у меня будет больше информации.

Я засмеялся еще сильнее. Кристофер редко называл меня сэром. Как правило, он делал это, только когда не одобрял мои поступки, и, очевидно, сейчас именно это и было причиной его неприкрытой иронии.

— Почему ты не веришь в чистоту моих намерений по отношению к Луизе?

— Я знаю, как ты одержим тем, чтобы продолжать защищать ее и помогать ей. Ты всегда был таким, еще до того как узнал, что она выросла и превратилась в прекрасную юную леди. И я не говорил, что сомневаюсь в чистоте твоих намерений…

— Хорошо, тогда просто дай мне знать, когда найдешь ее, ладно?

— Конечно, сэр.

Но когда Кристофер позвонил в следующий раз, новости, которые он сообщил мне, были далеко не хорошими.

— Что тебе удалось узнать? — спросил я, надеясь, что у него есть адрес того места, где я смогу найти Луизу.

— Мне до сих пор неизвестно, где она. Не так-то просто обыскать все клубы в Нью-Йорке, ты ведь понимаешь это?

— Но ведь у тебя *есть* какая-то информация, разве не так?

— Да. Но боюсь, она может тебе не понравиться…

— Просто расскажи все как есть, Кристофер. Ты же знаешь, я ненавижу ждать.

— Хорошо, итак…

Он сделал паузу, прежде чем продолжить, осторожно подбирая каждое слово:

— Есть один клуб, *«Поцелуй Дракона»*, где видели девушку, по описанию похожую на Луизу.

— Это ведь отличная новость! — сказал я взволнованно.

— Не совсем… Дело в том, что клуб славится продажей тамошних девушек в сексуальное рабство…

— Что?

Мое сердце замерло при одной лишь мысли о том, что Луизу могли продать человеку, заплатившему самую высокую ставку за то, чтобы окунуть её в очередную жизнь полную кромешного ада и пыток.

— Нам нужно убедиться, что её там нет.

— Я понимаю, Уильям. И обещаю, что узнаю это как можно скорее.

— Почему ты до сих пор этого не сделал? Ты всегда был так чертовски хорош в отслеживании людей!

— Да, но этот случай особенный. Почти все девушки, которые работают в этих клубах, меняют свои имена. А это, в свою очередь, все очень сильно усложняет.

— Мне все равно, Кристофер. Мне нужно найти ее, слышишь?

— Да, Уилл. И мы найдем ее. Скоро.

— Завтра. Ее адрес нужен мне завтра. И я вылечу в Нью-Йорк следующим же рейсом.

Тогда я даже представить себе не мог, во что превратится мой *«тур»* по мужским клубам Нью-Йорка. Это был настоящий кошмар, мой персональный ад, из которого, как я думал, мне уже не выбраться никогда.

Один за другим, мы обыскивали все клубы. Там было так много людей. Так много лиц, они начали сливаться у меня перед глазами. Но ни в одном из них не было Луизы. К счастью, мы не нашли ее и в *«Поцелуе Дракона»*, что оказалось настоящим облегчением. Но были и более шокирующие новости, которыми Кристофер собирался поделиться со мной.

— Помнишь день, когда ты попросил меня узнать, кто ее биологические родители? – спросил он, когда мы отправились в еще один клуб из нашего бесконечного списка.

— Да, тебе удалось найти их?

— Частично. У меня есть только фамилия ее отца.

— И кто же он?

— Ты не поверишь…. Флетчер Монтгомери.

— Черт возьми, этого не может быть… Ты имеешь в виду того самого Флетчера Монгомери, кандидата от демократов в Президенты Соединенных Штатов Америки?

— Да, того самого.

И в тот момент я понял истинную причину того, почему Луиза выросла в *«Раю»*. В тот же момент я понял, как сильно мне нужно будет постараться, чтобы защитить ее от того, что приготовил ей отец. Я был уверен, что такой человек, как Монтгомери, ни за что не позволит своей незаконнорожденной дочери разрушить его драгоценную карьеру.

— Это может быть опасно, — сказал Кристофер, словно читая мои мысли.

— Мне плевать. Я пообещал своему отцу, что позабочусь о Луизе, и я не собираюсь нарушать свое обещание, и меня совершенно не волнует, кто ее отец, и все остальные, кроме нее самой, если уж на то пошло.

— А что если она не захочет, чтобы ты помогал ей?

Я не думал об этом. Я был так занят ее поисками, что не думал о том, что произойдет, когда мы встретимся вновь. Я даже не думал о том, как она отреагирует, увидев меня спустя десять лет. Тогда я еще не знал, что мне придется скрывать свое лицо, чтобы она не узнала, кто я. Это была лишь часть игры, в которую я согласился играть ради нее самой, игры, которая

превратилась в нечто большее, чем просто план по выполнению обещания, данного моему отцу.

Мне действительно удалось найти Луизу. Я убедился, что с ней все в порядке. Я забрал ее из *«Ле Папиллон»* — клуба, куда ее отправили работать на Дрю, который оказался ее дядей. И по ходу дела я каким-то образом влюбился в нее… С того первого раза, когда я пригласил ее станцевать для меня, я знал, что был увлечен ею. Я был старше нее, и мне следовало держаться подальше от нее и ее жизни, но я не мог.

Я не переставая думал о том, чтобы вновь увидеть ее, о том, чтобы снова сыграть с ней в маленькую игру под названием *«Мистер Секрет»*. Она нравилась нам обоим, мы оба наслаждались этой игрой. И я ни за что на свете не смог бы добровольно оставить Луизу. Но потом… Она оставила меня. С единственной надеждой на то, что однажды я снова буду с ней.

Стук в дверь оторвал меня от мыслей, вернув меня в здесь и сейчас, в мою реальность. Я безразлично посмотрел на закрытую дверь своего кабинета и сказал:

— Войдите.

— Доброе утро, сэр, - сказал Кристофер, подойдя к моему столу и поставив на него поднос с дымящимся кофе.

— Чем обязан твоему полному иронии обращению ко мне на этот раз? - спросил я, взяв чашку. — Я сделал что-то не так?

— Пока нет, но сделаешь.

Кристофер задумчиво посмотрел на меня, а потом продолжил:

— Ты не думаешь, что она заслуживает того, чтобы узнать правду?

Моя челюсть сжалась при его словах. Я прекрасно понимал, о чем он говорит.

— Еще слишком рано. Она не готова.

— *Она* готова, Уильям. В отличие от тебя.

Я вздохнул и поднялся на ноги, подойдя к окну, чтобы вдохнуть немного свежего воздуха. Была одна вещь, о которой я никак не решался рассказать Луизе. Мы не видели друг друга почти пять месяцев… Это сводило меня с ума, но я не мог ничего сделать, чтобы изменить это. Она знала, что я беспокоился о ней, как и то, что мне не терпелось увидеть ее снова. Но она так и не позвонила, не прислала ни одного электронного письма. Кристофер был моим единственным источником информации. Он продолжал присматривать за ней. Не желая разговаривать со мной, она никогда не отказывалась отвечать на его звонки. Они даже несколько раз встречались, когда Луизе нужна была помощь в переезде в новую квартиру и подаче документов в колледж. Само собой, принимать помощь от меня она отказывалась. *Упрямая девчонка*.

— Ты говорил с ней о переезде в мой дом? – спросил я Кристофера.

В течение нескольких недель я пытался заставить его поговорить с Луизой. Предвыборные гонки ее отца должны были начаться через несколько дней, и я не сомневался в том, что этот мужчина сделает все возможное, чтобы убедиться, что его тайная дочь не станет угрозой на его пути к большому успеху.

— Ты знаешь, что она никогда не согласится жить с тобой под одной крышей, по крайней мере, пока сама этого не захочет.

— Так заставь ее захотеть! — Я повернулся и посмотрел на Кристофера. — Нам обоим известно, что случится, если он победит на выборах.

—Ты до сих пор веришь в то, что он попытается причинить ей боль? Зачем ему это? И почему сейчас? У него было восемнадцать лет на то, чтобы разобраться с этой *«проблемой»*, но он позволил ей жить. Конечно, послать бедную девочку в *«Рай»* едва ли можно назвать жизнью, но технически она все еще *жива и здорова…*

— Ты не понимаешь… Если он узнает, что она нашла свою мать, то не успокоится пока не расправится с ними обоими, и все ради того, чтобы сохранить свою репутацию незапятнанной.

По отдельности они безобидны, но вместе… вместе они сила, которая может разрушить его жизнь, разрушить *его*.

— И именно поэтому я думаю, что тебе, Уильям, следует рассказать Луизе всю правду… Она имеет право знать, что Сабина ее мать.

Сабина Кормак была известной танцовщицей, владелицей одной из лучших танцевальных школ в городе и матерью ребенка, о существовании которого она даже не догадывалась. Несколько месяцев назад Луиза объявилась в ее школе, сдала вступительные экзамены и была зачислена в качестве новой студентки Школы Искусств Балеро. Никто не знал, что она и миссис Кормак родственницы. До того момента, когда, примерно месяц назад, мне удалось наконец узнать имя биологической матери Луизы. И ею, как на зло, оказалась всем известная Сабина Кормак.

— Задумывался ли ты о том, как Сабина отреагировала бы, узнав, что Луиза ее дочь, ее *не живая дочь*? – спросил я Кристофера. — На протяжении восемнадцати лет она верила в то, что ее ребенок мертв.

— Знаю. И это еще одна причина того, почему ты должен рассказать им обеим правду.

— Мне бы твою уверенность… Луиза, скорее всего, возненавидит меня за то, что я скрывал это от нее.

— Она не может возненавидеть тебя, Уилл. Она все еще любит тебя.

Я улыбнулся.

— Надеюсь, что так и есть. Я так по ней скучаю… Порой мне кажется, что я начинаю сходить с ума от тоски по ней. Почему она не позволяет мне увидеться с ней, хотя бы раз?

— Потому что она уверена – тебе будет недостаточно просто увидеть ее. Она все еще пытается привыкнуть к своей новой жизни, к свободе. Она хочет насладиться этим, без тебя, следующего за ней по пятам, оберегая ее и пытаясь решить каждую ее проблему за нее.

— А разве не это должен делать влюбленный мужчина для своей женщины?

— Да, но мы оба знаем, каким гиперзаботливым ты можешь быть временами. И поверь мне, еще одна ищейка – это последнее, что ей сейчас нужно.

— Ищейки Монтгомери все так же преследуют ее?

— Постоянно.

— Она знает об этом?

— Не думаю. Они хорошо делают свою работу, находясь вне ее поля зрения.

— Но ты до сих пор видишь их повсюду.

Кристофер ухмыльнулся, довольный собой.

— Я просто знаю, к какую именно сторону смотреть.

Я кивнул, снова выглядывая в окно. Без Луизы дом был таким пустым. Она пробыла здесь совсем недолго, но каждый раз, когда я переступал порог своей спальни, и ее там не было, мне ничего не хотелось так сильно, как побежать к Луизе, заключить ее в свои объятья и поцеловать так, как я мечтал поцеловать её все эти месяцы, и никогда больше не отпускать ее…

— А что, если она никогда не вернется?

Это был вопрос, который я не переставая задавал себе с того самого утра, когда Луиза оставила меня в моей постели, все еще окутанного ее ароматом и витающими в воздухе воспоминаниями о ночи, проведенной вместе.

— Она вернется, просто дай ей время.

Я мысленно выругался. Время… Оно превратилось в моего злейшего врага. Каждая секунда без Луизы казалась вечностью; вечностью беспорядочных мыслей и нескончаемого беспокойства о ней. Я никогда не простил бы себя, если бы с ней что-то случилось. Дни без нее были такими одинокими. Единственной вещью, которая поддерживала во мне желание жить, были новости, которые приносил Кристофер. Он рассказывал мне об успехах, которых Луиза добилась в танцах. Ей даже удалось станцевать несколько главных партий в представлениях,

которые ставила ее школа. Иногда она также посещала *«Ле Папиллон»*, у нее там были друзья, и она до сих пор принимала участие в их репетициях. Она больше не была частью их команды и не участвовала в выступлениях, и приходила туда, чтобы отточить свои танцевальные навыки и поделиться своим опытом с девочками, которые всегда восхищались ее выступлениями. А я, в свою очередь, восхищался ее бесконечной страстью к жизни и ее диким желанием доказать каждому, что она может осуществить свои мечты без чьей-либо помощи. Я лишь надеялся, что она захочет, чтобы я был в ее жизни, когда мечты станут явью и когда ей не нужно будет никому ничего доказывать.

Зазвонил телефон Кристофера, и я инстинктивно обернулся, чтобы узнать, кто ему звонит. Когда он не мог следить за Луизой, всегда был кто-то другой, кто делал это за него.

— Калеб? – спросил Кристофер, ответив на звонок. — Все в порядке? Ох… Ясно. Спасибо за звонок.

— В чем дело? – спросил я, глядя на обеспокоенное выражение лица Кристофера. Должно быть, что-то было не так. — Скажи мне. Это касается Луизы?

Он колебался с ответом.

Я сглотнул, боясь задавать другие вопросы.

— Она в порядке?

— Машина Монтгомери только что остановилась на парковке возле ее дома.

Глава 2

Луиза

Пять месяцев… прошло пять месяцев с тех пор, как я видела Уилла или разговаривала с ним, хотя казалось, что это было давным-давно. И чем больше времени проходило, тем сложнее мне было продолжать отталкивать его, и все ради чего? Ради того, чтобы я смогла стать свободной, по-настоящему свободной, впервые за всю свою жизнь… Временами казалось, что свобода не стоила тех пыток, которым я подвергла нас обоих, но мне нужно было это сделать, не столько для него, сколько для себя.

Знает Бог, я не хотела оставлять Уилла, но у меня не было выбора. Я не хотела заставлять его страдать из-за своей неспособности отпустить прошлое. Были вещи, о которых я должна была позаботиться до того, как наконец смогу позволить себе быть счастливой и довериться Уиллу, не оглядываясь на свою жизнь до него и жалея себя. Я должна была научиться быть взрослой и независимой. Даже зная, что могу в любое время позвонить Уиллу, и он будет здесь в ту же секунду, как зазвонит его телефон, я не звонила… Ни разу, даже для того, чтобы услышать его глубокий голос, который я до сих пор слышала в глубине своего подсознания, когда бы я ни закрывала глаза, позволяя своей памяти возвращать меня к нему.

Я скучала по нему больше, чем можно описать словами. Не было и дня, чтобы я не боролась со своим желанием увидеть его. Иногда, когда моя потребность быть ближе к Уиллу доходила до критической точки, я брала было телефон, чтобы позвонить ему, но каким-то образом находила в себе силы остановиться и вместо этого набирала номер Кристофера, прося его разделить со мной чашечку кофе. После наших разговоров мне всегда становилось лучше. Я расспрашивала его о Уилле, и он рассказывал мне разные забавные истории из его детства или о том, чем он занимался сейчас.

Я хотела, чтобы Уилл снова стал частью моей жизни. Я ничего не хотела больше, чем рассказать ему о школе, в которой училась, и о своем первом сольном выступлении, но больше всего мне хотелось, чтобы он увидел, как я танцую. Я разучила так много новых движений с тех пор, как он видел меня последний раз, и хотела показать их единственному человеку, которого любила больше жизни. Именно так началась наша история — с танца. И я хотела танцевать для него снова, зажечь в его глазах огонь, по которому так скучала, знать, что он хочет быть со мной вновь, губы к губам, кожа к коже…

Я даже начала подумывать о том, чтобы послать к черту свою гордость и просто позвонить ему, умолять его, чтобы пришел в мою квартиру и просто… остался со мной. Но потом в мою дверь стучалась реальность, и мои фантазии таяли подобно луне в лучах дневного света. Я понимала, что была не готова к тому, чтобы увидеть его. Я знала, что в момент, когда он заключит меня в свои крепкие объятья, я останусь там навечно. И возможно, именно там я хотела провести остаток своих дней, но сейчас было слишком рано отправляться туда.

Зазвенел дверной звонок, прервав мои размышления. Я взглянула на настенные часы и нахмурилась. Они показывали восемь тридцать утра. *«Кто мог прийти ко мне так рано и без предупреждения?»* Кристофер не оказывался у моей двери, не позвонив заранее, а больше я никого не ожидала увидеть на пороге свой квартиры воскресным утром. Девочки из *«Ле Папиллона»*, с которыми я общалась, в субботу выступали допоздна, они никогда бы не проснулись в такую рань.

Я надела халат поверх рубашки — той, что забрала у Уилла, чтобы хоть что-то напоминало мне о нем, — и пошла открывать дверь.

Открыв ее, я увидела мужчину, с которым ранее никогда не встречалась. На вид ему было далеко за сорок, и хотя я знала, что ранее никогда не видела его, он смотрел на меня так, будто

уже знал меня и все обо мне. Позади него было двое мужчин в черных костюмах, они были похожи на телохранителей.

— Нам нужно поговорить, — сказал мужчина, войдя в квартиру. Он даже не остановился, чтобы узнать, можно ли ему было войти, что, должна сказать, было немного странным и даже напугало меня, учитывая, что он был совершенно незнакомым мне человеком. Он был по меньшей мере в три раза крупнее и, наверное, раз в десять сильнее меня. Двое мужчин, которые сопроводили его до моей двери, остались ждать его снаружи, и не позволили мне закрыть дверь, в то время как он разгуливал по моей гостиной. Моей первой мыслью было бежать. Но потом я посмотрела на каменные лица телохранителей, заблокировавших выход из моей квартиры, и поняла, что побег — едва ли вариант.

Мои глаза снова вернулись в моему нежданному гостю. Сердце начало учащенно биться, я была напугана, и мое сердце знало об этом. Мужчина остановился посередине гостиной и осмотрелся вокруг, но ничего не сказал. Как будто он ждал, что я предложу ему присесть или чашку чая. Моя квартира была не слишком большой, но чистой и уютной, и я могла себе позволить платить за нее, что было самым большим преимуществом этого места. К тому же, она была расположена всего в нескольких кварталах от школы, что экономило время и нервы, помогая избежать *«замечательных»* нью-йоркских пробок, и я ничего не имела против пеших прогулок.

Мой гость был довольно высоким, с тщательно уложенными темно-русыми волосами и глубокими темно-зелеными глазами, которые чем-то походили на мои.

— Вы, должно быть, шутите… — прошептала я, приложив руку ко рту. Я была ошеломлена, когда до меня дошло, кем может быть этот мужчина.

— Чему обязана честью лицезреть тебя этим утром, *папочка*?

Он ухмыльнулся, очевидно удивившись тому, что я заметила разительное сходство между нами.

— Я подумал, пришло время нам побольше узнать друг друга, Луиза. В конце концов, ты моя дочь.

«Вот так новость…»

Я улыбнулась так вежливо, как только могла, учитывая обстоятельства нашей встречи.

— Это очень… — Я сделала паузу, пытаясь подобрать подходящее слово к его поведению, и потом остановилась на наименее оскорбительном. — *…по-родительски*.

— Юная леди, мне не нужна твоя ирония. Нам обоим известна *настоящая* причина моего внезапного визита.

— Да? Напомни мне, что это?

Этот мужчина не понравился мне с первого взгляда. Он вел себя именно так, как я всегда представляла. Хотя я и не ожидала, что он придет, чтобы повидаться со мной, я была чрезвычайно рада узнать, что мое существование беспокоит его и, может быть, даже пугает. Конечно же, я бы ни за что не поверила, что он здесь из чистой родительской любви ко мне.

— Почему ты решила покинуть *«Ле Папиллон»*? Тебе не понравилось жить там?

— Почти так же, как мне полюбилось жить в *«Раю»*, — огрызнулась я.

— Я здесь не для того, чтобы пререкаться с тобой, Луиза. Я долго скрывал правду о твоем существовании, и мне бы хотелось, чтобы это осталось секретом.

Ухмыльнувшись, я скрестила руки:

— Расскажи мне то, чего я не знаю.

Этот козел действительно верит, что я когда-нибудь захочу назвать его своим отцом? Если да, то он еще более глуп, чем кажется.

— Не пойми меня неправильно, но ты уже выросла и ты знаешь мое имя. Ты можешь использовать эти знания против меня, а это последнее, с чем я хочу иметь дело перед выборами.

— Не беспокойтесь, мистер Монтгомери. Я усвоила урок: ты никогда не хотел, чтобы я родилась. И к твоему сведению, я никогда не хотела увидеться с тобой. Хватит того, что благодаря тебе я провела восемнадцать лет своей жизни в аду, который мы называем *«Раем»*, что и в самом деле настоящая ирония, *папа*. Отличное название для места, подобного этому, правда? Не ты ли один из тех, кто его придумал? Я не удивлюсь, если так оно и есть.

— *«Рай»* был создан задолго до твоего рождения, Луиза. И он не так плох, как ты думаешь.

— О, правда? А ты когда-нибудь жил там? Ой, погоди, нет. Ты привык к более комфортной жизни, верно?

Много раз я пыталась представить себе этот разговор. Много раз представляла слова, которые скажу человеку, разрушившему мое детство, человеку, который забрал у меня все, даже мое право жить той жизнью, которую я заслуживала. Но сейчас… сейчас казалось, что не хватит слов, чтобы показать ему, как сильно я его ненавижу. Я презирала его за все, через что мне пришлось пройти из-за него и его чертовой репутации.

— Я просто хочу попросить тебя об одной маленькой услуге.

Я разразилась смехом. *«Услуга? Серьезно?»* Я думала, что этот идиот знает только, как давать указания, а не просить об услуге.

Два телохранителя обеспокоенно переглянулись, очевидно думая, что я выжила из ума. О, бросьте, я не собиралась убивать своего дорогого папочку кухонным ножом или чем-то еще. Я слишком любила свою жизнь, чтобы провести ее остаток в очередной тюрьме, и определенно не из-за сукиного сына, который просто оказался причиной моего рождения.

— Как я уже сказала, мистер Монтгомери, я не хочу видеть вас, никогда. Так что окажите мне *услугу,* убирайтесь к чертям из моей квартиры, *пожалуйста*.

По всей видимости он не ожидал, что я буду груба с ним; думаю, он ожидал, что я съежусь от страха и буду делать то, что он захочет. Очевидно так делали другие люди, когда он был готов попросить об *услуге*, но не я. Никто не жил так, как жила я, и все из-за него.

Он резко вздохнул и направился к двери, ни говоря ни слова. Но было кое-что, что я хотела спросить у него до того, как он снова исчезнет лет так на сто или около того.

— Кто она? — спросила я, надеясь, что ему хватит смелось, чтобы ответить всего на один мой вопрос.

Он остановился, все еще стоя спиной ко мне. Сомнений не было — он знал, что я спрашиваю о своей матери. Сейчас, когда я знала, кем был мой отец, я была уверена, что моя мама просто очередная жертва его жестокости. Она просто не могла быть такой же бессердечной, как он.

— Зачем? — спросил он, медленно развернувшись. — Ты хочешь найти ее?

— Я имею право знать, кто она.

— Да, но что, если она тоже не хотела твоего рождения?

Ох, это был удар ниже пояса. Но я все же сумела улыбнуться, так же, как делала это большую часть времени, которое провела в *«Раю»*, и сказала:

— Ни одна здравомыслящая женщина не захочет иметь ребенка от такого эгоистичного сукиного сына, как ты. Полагаю, беременность моей матери была случайной, как и в целом ее отношения с тобой. А вот что я думаю о ней — не твое дело. Мне просто нужно знать ее имя. Это будет справедливо после всего того дерьма, через которое ты заставил меня пройти. Ты так не думаешь?

Он безразлично пожал плечами.

— Она умерла. Много лет назад.

Я чувствовала себя так, будто меня ударили в спину ножом, который прошел сквозь меня, прямо в сердце.

— Ты лжешь, — сказала я дрожащим голосом. Я не собиралась плакать, я просто была слишком сердита и наивна; я все еще надеялась, что в этом мужчине есть хотя бы что-нибудь хорошее. Судя по всему, я ошибалась. И я была в секундах от того, чтобы передумать и схватить кухонный нож. В конце концов, этот подонок не заслуживал того, чтобы жить.

— Думай, что хочешь, — сказал он со всем отвращением, что у него было к этому месту и так называемой дочери, то есть мне. — Я опаздываю на деловую встречу. У меня нет времени на то, чтобы слушать, как ты жалеешь себя.

— Я не желаю тебе успеха, мистер Монтгомери. Надеюсь однажды ты сгоришь в аду. Потому что, если ты победишь на выборах, эта страна отправится в ад еще раньше тебя.

— Как ты смеешь говорить…

— Мистер Монтгомери, — произнес знакомый голос из-за спины телохранителя. — Думаю, сейчас вам пора вернуться к своим обязанностям в конгрессе.

Уилл шагнул вперед, игнорируя попытки телохранителей остановить его.

— Мистер Блэр… Какой приятный сюрприз…

— Уилл…

— Луиза, — сказал он резким голосом, сверля моего отца убийственным взглядом. — Ты в порядке?

— Да, сенатор уже уходит.

Я была так шокирована тем, что увидела Уилла, что почти забыла о присутствии своего отца.

— Удачного дня, — сказал *папочка* сквозь стиснутые зубы и последовал прочь в сопровождении своих телохранителей.

Мы с Уиллом уставились друг на друга. Мне так многое хотелось сказать ему, но слова не шли из моего рта. Я просто продолжала смотреть, смотреть и смотреть.

Господи, я практически забыла, как могущественно Уилл всегда выглядел. Внезапно показалось, что моя квартира стала еще меньше, чем была на самом деле. Он был как всегда великолепен, одетый в пару темно-синих джинсов, такую же рубашку и черный кожаный пиджак, из-за которого он почему-то выглядел немного безрассудно. Я заглянула в его глаза, и все мое тело затрепетало, беспомощное против его брутальной привлекательности и чувств, которые я испытывала к нему. Он стал каждым моим вздохом и каждым биением моего сердца. Я не могла думать ни о чем другом, кроме как растаять в его объятьях. Запах его одеколона коснулся моих ноздрей, и я сделала глубокий вдох, позволив смеси из дерева и пряностей захватить меня. Так же, как тогда, когда он впервые прикоснулся ко мне в одной из танцевальных комнат *«Ле Папиллон»*, сейчас я могла ощутить его невидимые прикосновения повсюду, где останавливались его глаза, упивавшиеся каждым дюймом моего тела.

— Я боялся, что, когда доберусь сюда, будет уже слишком поздно, — сказал он, сделав крошечный шаг вперед. — Он ведь не пытался тебя обидеть?

Уилл старался говорить спокойно, но я слышала волнение в его голосе.

Я покачала головой, все еще не в состоянии говорить.

Глаза Уилла путешествовали по моему наряду, и я мысленно выругалась, желая быть одетой в нечто более подходящее для встречи со своим любимым, которого не видела несколько месяцев.

Время больше не имело значения. Как будто тех длинных дней и ночей без него и вовсе не существовало. Как будто мы вернулись в его дом, делясь безмолвными посланиями, которые могли сказать куда больше, чем слова. Будто он до сих пор был моим, а я — его... безусловно. На мгновение я подумала о том, чтобы снять халат и остаться лишь в его рубашке, но потом передумала, понимая, что снятие хотя бы одного элемента одежды закончит этот разговор без слов, а ни один из нас не был к этому готов. Возможно, я была даже слишком готова к такого рода разговору, и именно поэтому мне следовало подумать о чем-то другом.

Я проглотила свое желание подбежать и обвить его руками и спросила:

— Хочешь чашечку кофе?

Он вздохнул с облегчением, будто боялся, что я укажу ему на дверь, и кивнув, ответил:

— Да, пожалуй.

Мы еще раз молча переглянулись, потом я развернулась и отправилась на кухню, надеясь, что не споткнусь и не упаду по пути туда. Это стало бы еще одним прекрасным моментом моего ужасного утра. Мне казалось, будто ноги мои были сделаны из желатина. Я не чувствовала ничего, кроме дикого биения своего сердца, которое, подобно барабану, эхом отдавалось в моей голове.

Я пришла на кухню, отыскала чашку и налила в нее кофе. Потом открыла сахарницу и...

— Черт возьми, в доме нет ни грамма сахара.

Я услышала, как Уилл, находившийся позади меня, тихонько рассмеялся.

— Не беспокойся. Видеть тебя сейчас — самое сладкое, что могло произойти со мной этим утром.

Я почувствовала, как мой пульс учащается. Дрожащими руками я взяла чашку и развернулась, чтобы отдать её Уиллу.

— Всегда хотел увидеть, как ты завариваешь для меня утренний кофе, — сказал он, забирая у меня чашку. А его глаза... Господи, эти глаза, смотревшие с таким восхищением и неприкрытой жаждой, не смогла бы проигнорировать ни одна нормальная женщина.

Я запаниковала.

Слишком близко, слишком скоро, слишком хорошо, чтобы быть правдой...

Его молчание говорило больше, чем могли сказать слова. Я покачала головой и сделала шаг назад.

— Пожалуйста... не надо.

Я чувствовала, что с каждым вздохом, который я делала рядом с Уиллом, моя защита разбивается вдребезги, но не могла позволить событиям выйти из-под контроля. Не сегодня.

— Прости, — сказал он, опустив глаза на чашку в своих руках. — Я забыл о правилах.

Мы не устанавливали никаких правил, это не совсем так. Он знал, что мне было нужно время, и согласился дать его мне. Не озвученная часть соглашения подразумевала под собой, что не будет никаких звонков, писем на электронную почту или чего-то еще, что могло бы снова свести нас вместе.

— Придя сюда, ты нарушил самое главное из них, так что.... Остальные едва ли имеют значение.

Я выдавила из себя улыбку, надеясь, что он правильно поймет мои слова и не подумает, будто он здесь нежеланный гость. Он всегда мог прийти проведать меня, но только не сегодня... Или не в любой другой день, если уж на то пошло. До тех пор, пока я снова не буду готова к близости с ним.

Уилл сделал несколько глотков кофе и поставил чашку на кухонный стол позади себя.

— Тебе что-нибудь нужно, Луиза? Что-то, с чем я бы мог… ну… помочь тебе?

— Вроде сахара?

Он улыбнулся той знакомой улыбкой, которую я видела в своих снах каждую ночь со дня нашей последней встречи.

— И это тоже, — сказал он, снова одарив меня горящим взглядом. Господи, сколько боли было в его красивых глазах, как будто он умолял меня перестать избегать его. Это почти заставило меня сдаться, почти.

— Я в порядке, Уилл, правда. Тебе не нужно беспокоиться обо мне. Я уже большая девочка, и могу позаботиться о себе сама.

— Я в этом не сомневаюсь. Просто… Я пытаюсь найти повод остаться здесь, с тобой, по крайней мере ненадолго.

О, если бы он знал, как сильно я хотела, чтобы он остался со мной навсегда, начиная с настоящего самого момента.

— Кристофер рассказывал мне о твоих выступлениях в школе. Тебе все еще нравятся твои занятия?

Я кивнула, мысленно поблагодарив его за вопрос. По крайней мере это дало мне возможность переключить свои мысли на что-то более реалистичное, чем быть с ним снова.

— Да, очень. Может быть, даже больше, чем я могла представить.

— Как дела в *«Ле Папиллон»*? Дрю хорошо себя ведет?

— О, да. Ты должно быть до смерти напугал его. Он разрешим мне оставить свою комнату и всегда зовет меня позавтракать с ним, когда бы я не пришла, чтобы повидаться с девочками.

— Кажется, мои слова обладают магическим эффектом.

— Что ты сказал ему? Я никогда не видела, чтобы Дрю был таким вежливым и добрым с кем-то, кроме меня.

— Я просто сказал ему, что если он допустит, чтобы с твоей головы упал хотя бы один волосок, то очень пожалеет об этом.

Я захихикала.

— Это так на тебя похоже. И если честно… Часть меня скучает по твоему постоянному контролю. Я знаю, Кристофер должен рассказывать тебе обо всем, что происходит в моей жизни, и мне действительно нравится то, что он всегда рядом и мы можем поговорить время от времени. Это почти заставляет меня забыть о том, как сильно я скучаю по разговорам с тобой…

— И я скучаю по всему, что связано с тобой, Луиза…

Это были те самые слова, которые я не осмеливалась сказать ему, но Уилл всегда был честен со мной, даже когда не позволял мне увидеть свое лицо, его прикосновения и поцелуи говорили все за него. И да, больше всего на свете, я хотела ощутить, как его возмутительно идеальные по форме губы накроют мои.

Он подошел ближе и взял мои руки в свои, целуя тыльную сторону ладоней, одну за другой. Это должно было быть невинным прикосновением, но ощущение его губ на моей коже было слишком знакомым, чтобы игнорировать его.

— Я не хочу торопить события, Луиза, или заставлять тебя против воли снова быть со мной. Я просто хочу быть уверен в том, что ты все еще хочешь, чтобы я был частью твоей жизни…

Слова, прикосновения… Этого было слишком много.

— Конечно да, — пробормотала я, едва способная говорить. Я почувствовала, как слезы застилают мне глаза. Мы были так близки сейчас, когда соприкасались наши руки, когда тепло Уилла передавалось мне, а его нежность окутывала меня подобно невидимому облаку. До этого самого момента я не понимала, как сильно нуждалась в нем, какой невыносимой была мысль о том, чтобы отпустить его. До этого самого момента я не понимала, как сильно люблю его, намного сильнее, чем считала себя способной любить кого-то.

Я подалась вперед и закрыла глаза, чувствуя дыхание Уилла у себя на лбу. Мне ужасно хотелось ощутить его губы на своих, сильные и требовательные, как всегда. Я бы отдала абсолютно все, просто чтобы позволить себе окунуться в сладчайший из снов, который он всегда умел создать для меня. Я бы осталась в этом сне, без сожалений или беспокойства о своем будущем. Я бы позволила его любви забрать меня… Было так легко представить, как его опытные руки и губы дразнят меня. Но мы оба знали, что в данный момент это было невозможно.

— Ты убиваешь меня, Луиза…

— Прости, — прошептала я, все еще держа глаза закрытыми. Потребовалось все мое самообладание, чтобы сохранять спокойствие или по крайней мере притворяться, что я спокойна.

— Я до сих пор жду, ты знаешь?

Он положил палец под мой подбородок, заставив взглянуть на него.
— Я до сих пор жду тебя, твоего возвращения.
— Я знаю.
— И мне все равно, если для этого потребуется вечность. Я не перестану ждать…

Глава 3

Если я думала, что моя жизнь не может быть хуже, то ошибалась. Пять месяцев я говорила себе, что смогу держаться подальше от Уилла и не чувствовать себя совершенно сломленной и одинокой. Но после нашей неожиданной встречи я поняла, что все это было ложью, в которую я отчаянно хотела верить. Без него я была ничем. Я проводила все дни учась, репетируя и давая индивидуальные уроки танцев детям из *«Балеро»*. Но я никогда не думала, что впаду в такое уныние и депрессию после того, как увижусь с Уиллом и снова попрощаюсь с ним. И только одному Богу было известно, как скоро я смогу снова быть с ним.

Он был очень осторожен и не сказал ничего такого, что могло бы отпугнуть меня навсегда. Даже когда просил переехать к нему, он пытался сделать так, чтобы это не звучало как требование, скорее как простой вопрос. Я знала, что Уилл никогда не перестанет заботиться обо мне. Когда я сказала ему, что у меня встреча — что кстати, было очередной ложью, которую я предпочла Уиллу и его соблазнительному присутствию, — он кивнул и пошел к двери, как будто это был очередной раз, когда мы прощались ненадолго, а не на длительный период времени, как это нам обоим было нужно. На мгновение я ощутила, как меня переполнило разочарование. *«Он на самом деле собирается уйти вот так? Не обняв? Или не поцеловав по-дружески в щеку?»*

Но потом он развернулся и направился туда, где стояла я. Больше всего я хотела сказать ему, что он может остаться и делать все, что пожелает.

— Луиза…

Мое имя, сказанное мягким, бархатистым голосом коснулось моих губ. Он положил ладонь мне на щеку и притянул меня ближе, обняв одной рукой.

— Я знаю, что не должен делать этого… но… к черту правила.

В следующую секунду его губы накрыли мои — смелые, дразнящие, провоцирующие. Даже спустя все это время химия между нами не угасла. Она все еще была здесь, пульсировала между нами, тикала, как бомба, готовая взорваться в любую секунду.

Мои мысли неслись галопом. Все те страхи, которые я пыталась подавить в отсутствие Уилла, пропали в мгновение ока, будто их не существовало вовсе.

Вот где я хотела находиться всегда — рядом с ним и в его руках.

Впервые за долгие месяцы я растворилась в нем, просто отпуская все, что меня беспокоило… Мое тело начало дрожать. В этом поцелуе все было слишком. Он был слишком идеальным, слишком знакомым и чертовски соблазнительным, чтобы прервать его. Горячий, сладкий и достаточно страстный, чтобы знать — когда он закончится, я буду хотеть больше, намного больше, чем сейчас.

— Ради Бога, Луиза… Поедем со мной, не заставляй меня уходить, пожалуйста…

— Так будет лучше…

Сердце бухало в груди, крепко прижатой к груди Уилла. Моя решимость слабела. И он это знал. Он знал меня слишком хорошо, знал, что стоит ему еще чуть-чуть надавить и я скажу *«да»* на все, что бы ни было у него на уме. Но он не делал этого. Он отпустил меня и отошел назад, сохраняя зрительный контакт, игнорировать который было, наверное, сложнее, чем его губы, целующие меня с такой страстью.

— Как насчет того, чтобы вернуться к этому… *разговору* немного позже?

Он улыбнулся уголками губ, одновременно печально и загадочно, будто знал что-то, чего не знала я.

— Окей.

Он снова улыбнулся, на этот раз шире.

— Хорошо.

Потом он подошел ближе и запечатлел легкий поцелуй на моей щеке, рядом с губами, очевидно специально, как будто его предыдущего поцелуя было недостаточно, чтобы сожалеть о моем решении сохранять между нами дистанцию.

— Увидимся?

— Может быть.

— Когда?

— Я думала, ты сказал, что не хочешь торопить меня.

— А я думал, что ты не хочешь, чтобы я прикасался к тебе или целовал тебя…

Сейчас это было нечестно.

Мистер Сексуальный Секрет — одно очко. Луиза — ноль, как всегда.

— Я не говорила этого, — сказала я, немного обиженно.

— Я люблю тебя, Луиза, всегда любил и всегда буду любить.

Эти слова с такой легкостью вышли из его рта, они звучали так естественно, так реалистично. До Уилла никто не учил меня любви. Он был первым человеком, который полюбил меня и заставил поверить в то, что любовь может быть прекрасной, волнующей и сильной. Знание того, что он до сих пор меня любит, придавало мне силы. И это было бесценно.

— И я люблю тебя, красавчик. Ты ведь знаешь это, верно?

Его губы вытянулись в до неприличия сексуальную самодовольную улыбку.

— Никогда не сомневался в этом.

Как всегда, он ушел даже не попрощавшись. Он ненавидел прощаться со мной. И как всегда, я начала скучать по нему сразу же, как только закрыла за ним дверь.

****

— Привет, Земля вызывает Лу! — сказала Кейт. Очевидно, это был уже не первый раз, когда она пыталась привлечь мое внимание, потому что она еще и щелкнула пальцами перед моими глазами. — Ты слушаешь меня?

Я задумалась об Уилле и не слышала ни одного слова сказанного ею.

— Прости, я до сих пор слишком шокирована всем произошедшим за это утро, чтобы думать о чем-то другом.

Я выдавила из себя улыбку и сделала глоток чая, позволяя теплой травяной и лимонной смеси пройти по горлу и хоть немного успокоить мое сознание. Кофе был моим любимым напитком, но когда нужно было расслабиться телом и душой, лимонный чай занимал почетное второе место.

— Какая часть этого утра удивила тебя больше всего: встреча с твоим *дорогим сволочным папочкой*...или… поцелуй Уилла? — спросила Кейт.

Я не собиралась приходить в *«Ле Папиллон»*, но после драмы, произошедшей этим утром, мне нужно было выговориться. В любой другой день я бы позвонила Кристоферу, но когда я подумала о том, что одной из тем, которые я хотела обсудить, являлся поцелуй с Уиллом, то решила, что Крисси — так я называла его, когда он не слышал — на этот раз не вариант. Вот почему я позвонила Кейт. С первого дня нашей встречи в клубе, я знала: она одна из немногих, кому я могу доверять.

— Не могу сказать, честно. Понятия не имею, — ответила я, глядя на нее. Мы сидели в клубном кафе, остальные девочки были на репетиции, так что это был один из тех редких моментов, когда мы с Кейт могли поговорить наедине, без любителей подслушивать, чтобы посплетничать обо всех подробностях позже.

— Что Уилл думает о кандидатуре твоего отца? Дрю сказал, этот негодяй разозлился, когда услышал, что ты ушла из клуба. Он думал, ты останешься здесь, и не будешь задавать вопросов, еще как минимум года два. Чего он не ожидал, так это того, что ты встретишь привлекательного незнакомца и сама станешь хозяйкой своей жизни, и тебе не нужен будет кто-то, кто станет думать за тебя. Вот что на самом деле его разозлило, на мой взгляд.

— Уилл сказал, что я должна быть осторожной. Монтгомери не шутил, когда сказал, что не хочет, чтобы кто-то узнал о моем существовании. А еще Уилл попросил меня переехать к нему…

— Что, я полагаю, было худшим, о чем он мог тебя попросить, верно?

Я печально улыбнулась.

— Как ты и сказала, мне не нужен кто-то, кто будет думать за меня, и я до сих пор учусь быть независимым человеком, которым и хотела быть. Поэтому да, полагаю это предложение можно назвать худшим из худших.

— Девочка, он любит тебя, и для него естественно думать о твоей безопасности.

— Знаю, но съехаться с ним сейчас будет огромной ошибкой, о которой знаю точно — я буду жалеть. Я только начала постигать азы того, как быть самостоятельной. Знаешь, как я устала от того, что люди нянчатся или все время наблюдают за мной? Сначала это была Марлена с ее тупыми трекерами, потом Дрю, Уилл, а теперь еще и ищейки моего отца. Я не хочу, чтобы кто-то следовал за мной по пятам. Я хочу быть свободной, Кейт. По-настоящему свободной, а я не могу быть таковой, пока каждый так и норовит убедиться, что я цела и невредима или не разрушила их репутацию. Я хочу, чтобы они оставили меня в покое, хотя бы на один день. Полагаю, я прошу слишком много.

— Люди могут быть свободны только тогда, когда они одиноки. Потому что, даже если ты решила, скажем, завести собаку, ты уже больше не будешь свободной. У тебя появятся обязанности, тебе придется посвящать свое время этой чертовой собаке. А будучи влюбленной, Луиза, ты уже никогда не будешь свободной, вне зависимости от расстояния или того, как долго ты избегаешь человека, которого любишь. Твое сердце всегда будет тянуть туда, где он. Это неизбежно.

— Ты думаешь, я этого не знаю?

— Тогда почему ты продолжаешь отталкивать его? Из-за своего страха снова попасть под контроль? Или есть что-то еще? Скажи мне, Лу, ты можешь рассказать мне все, ты знаешь это.

Я никогда никому не рассказывала о другом страхе, от которого, кажется, до сих пор не могла избавиться. Он жил глубоко внутри меня, я боялась не то что обсуждать его с кем-то, а даже думать о нем.

— У меня никогда не было семьи, Кейт… Не уверена, что я знаю, как быть ее частью.

— Что? Девочка, ты совсем выжила из ума? Семья — это не навык, который можно иметь или не иметь! Тебе не нужно учиться, как любить кого-то или быть любимой. Это приходит с жизнью. А у тебя есть целая вечность на то, чтобы жить и наслаждаться каждой секундой своей жизни. Ты хочешь потратить ее на раздумья о глупых страхах, которые детство оставило внутри тебя?

— Нет, конечно нет. Но я знаю, что Уилл не хочет, чтобы я просто осталась с ним. Он хочет семью, хочет детей. А я не уверена, что смогу быть хорошей матерью; у меня никогда не было мамы, которая показала бы мне, как быть матерью или каково это — любить своего ребенка. Я не знаю, каково это - позволить кому-то заботиться обо мне или как самой заботиться о других.

Кейт улыбнулась, взяв мою руку в свою.

— Ты знаешь это, Луиза. У тебя есть мы, и, может быть, мы не идеальная семья, но это… — Она провела рукой, указывая на клуб, и потом продолжила: — …твой дом. У тебя есть люди, которые любят тебя, и поверь мне, дорогая, даже Дрю любит тебя. Может быть, он никогда не осмелится сказать это вслух, но он так гордится тобой, твоей смелостью, твоей силой воли. Кроме того, у тебя есть Уильям. И я уверена, этот аппетитный мерзавец так сильно любит тебя, что его яйца взрываются, каждый раз, когда ты рядом. Все это… и есть определение семьи и того, что значит любить безусловно, заботиться и получать заботу от кого-то. Все это сходится воедино. Луиза, серьезно, перестань думать об этой ерунде. Посмотри на меня, я

провела так много лет, надеясь, что мужчина, которого я люблю, будет любить меня в ответ, но он этого так и не понял. А у тебя есть мужчина твоей мечты, из которого ты можешь веревки вить. Он совершенно без ума от тебя, а ты отталкиваешь его только потому, что думаешь, что недостаточно хороша для него — что, кстати, полнейшая чушь, ты достаточно хороша для него, я бы даже сказала, ты слишком хорошая для него, но это едва ли имеет значение, когда замешана любовь. Поэтому наберись смелости, возьми себя в руки и пойми, что хотя ты и не можешь изменить свое прошлое или притвориться, что твое детство было идеальным, но ты *можешь* взять все в свои руки и сделать свое будущее прекрасным. Ты можешь быть либо независимой, одинокой и свободной женщиной… либо можешь осуществить свои мечты, ухватив мистера Сексуальная задница Блэра, просыпаться рядом с ним каждое утро до конца твоих дней и делать с ним все, что пожелаешь, вместо того, чтобы жить в одиночестве, пока не станешь старой девой, которая поймет, что ей следовало прислушаться к потрясающему совету, когда его давали. Так что, разве заполучить *этого* мужчину звучит не как чертовски хороший план?

— Особенно та часть, где я смогу делать с ним все, что захочу.

— Вот именно!

— Кейт… я не знаю. Правда… Я так запуталась. С одной стороны, я знаю, что ты права и что мне следует наплевать на свои страхи и быть счастливой, но с другой стороны, я знаю себя, я никогда не смогу принять любовь Уилла, пока не научусь любить себя и свою жизнь… без него. Как я могу любить его так, как он того заслуживает, когда даже не знаю, как любить саму себя так, как я этого заслуживаю? Поверь мне, я хочу быть счастливой с ним больше, чем чего-то другого в своей жизни. Но для этого ему придется подождать, пока я не выиграю битву с демонами, которые, я чувствую, есть внутри меня.

— Только не заставляй его ждать вечно, сладкая. Может быть, он и любит тебя и готов ради тебя на все, но у него есть и другие чувства. И он может начать сомневаться в твоих чувствах к нему. А я уверена, что потеря Уилла не сотворит чуда с твоим самолюбием.

Я начала было говорить, но она подняла руку, чтобы остановить меня до того, как я скажу хоть слово.

— Просто подумай об этом, ладно? Тебе не нужно принимать никаких жизненно важных решений сегодня, но тебе стоит немного подождать и хорошенько все обдумать, прежде чем отказываться от этой идеи.

— Я подумаю, обещаю… Я подумаю обо всем, что ты сказала.

— Хорошо. Я думаю, сейчас с тобой хотел бы увидеться твой дядя, а мне нужно проведать девочек, пока они не превратили репетицию в бессмысленную болтовню. Увидимся на следующей неделе?

— Конечно. Я присоединюсь к вашей воскресной тренировке.

— Отлично.

Она улыбнулась, поцеловала меня в щеку и вышла из кафе, по дороге подмигнув симпатичному бармену. Лицо парня покраснело, что было действительно мило и забавно, учитывая, что он работал в клубе, где танцовщицы всегда флиртовали с мужчинами, как посетителями, так и просто коллегами. Я никогда не видела его раньше, очевидно он был здесь новеньким, что объясняло его стеснительность.

****

Мои мысли вернулись к словам Кейт. Что, если она права? Что, если все то, что я делала, было неправильным? Что, если Уилл не захочет ждать меня? Никто не знает, сколько времени я буду жить одна, прежде чем буду готова вернуться к нему. Что, если я никогда не буду готова отпустить свои страхи? Тогда все то, что я делала, окажется бессмысленным. Это только заставит Уилла страдать, а меня убьет осознание того, что я так и не смогла полюбить его по-настоящему и его сделать счастливым. Он был удивительным мужчиной, добрым и заботливым; он

был одним из тех редких людей, которых больше не существовало. Он заслуживал того, чтобы быть счастливым.

— Луиза, девочка моя! Какое счастье, что ты сегодня здесь! — Дрю подошел, чтобы обнять меня. — Я не знал, что ты собираешься зайти, никто не сказал мне. А потом, когда Кейт сказала, что ты здесь, я начал беспокоиться. Все в порядке? Надеюсь, твой отец не сделал ничего такого, за что я могу захотеть убить его? Или сделал?

— Нет, но он приходил этим утром, чтобы повидаться со мной.

Мои отношения с Дрю едва ли можно было назвать *«родственными»*, но я по крайней мере знала, что могу доверять ему. Он наряду с Кейт был в том коротком списке людей, которым я могла доверять. Он всегда был добр ко мне, еще до того, как я узнала, что он мой дядя.

— Вот это новость… Поверить не могу, что ему хватило наглости прийти к тебе. Тебе придется все мне рассказать.

Дрю сел рядом со мной, словно школьница, с нетерпением жаждущая послушать пикантную сплетню; однако, в отличие от школьницы, он не повторит все то, что я ему расскажу, кому-нибудь еще. Он махнул бармену, чтобы тот принес ему скотч, и ждал, пока я поделюсь с ним мельчайшими подробностями встречи с любящим папочкой, или не таким уж любящим, поскольку, я уверена, любящие отцы не приходят с невысказанными угрозами в адрес дочерей.

— Не рано ли для скотча? – спросила я, взглянув на часы. Был полдень, время для ланча, но уж точно не для скотча.

— Когда дело касается информации о моем брате, скотч — единственная вещь, которая может выставить в более приглядном свете любой его дерьмовый поступок. Итак, скажи мне, он приходил, чтобы угрожать тебе?

— Должна сказать, он сделал это очень вежливо.

— Он никогда не изменится.

— Люди редко меняются, Дрю. И мой отец, определенно, не исключение из правил. Но есть и хорошая новость — Уилл появился вовремя, чтобы предотвратить большую драку между родственниками.

— Твой отец видел Блэра?

— Да, а что? Он всегда знал о том, что Уилл расследовал мое прошлое. Так же, как знал, что тем человеком, который заставил тебя отпустить меня, был Уилл.

— Но он не знал, что мистер Блэр продолжает охранять тебя. Несколько дней назад он приходил сюда и спрашивал меня, какие между тобой и Блэром отношения. Но так как я едва ли что-то знал сам, то сказал ему, что вы больше не вместе. Что, я полагаю, не совсем правда…

— Это и не совсем ложь. Уилл и я… хм-м, скажем так, там все сложно.

— Понятно. Так что он сделал, когда появился Уильям?

— Ничего. Он ушел, не сказав ни слова. А что?

— Он не хочет, что вы с Уильямом были вместе.

— Какая ему разница? Вроде бы мне не нужно его одобрение. Насколько мне известно, когда оставляешь ребенка в приюте, ты теряешь право одобрять или не одобрять принимаемые им решения, в том числе в отношении тех, с кем он ходит на свидания. Так в чем же проблема?

— В твоей матери… Флетчер знает, что Блэр пытался разыскать ее. И он меньше всего хочет, чтобы ему это удалось.

— Я ничего не понимаю. Кем бы ни была моя мать, я уверена, она никогда не будет пытаться действовать против Монтгомери. Она даже никогда не пыталась забрать меня из *«Рая»*.

Молчание Дрю заставило меня забеспокоиться.

— Ты знаешь что-то, о чем не знаю я? — спросила я. — Ты знаешь, кто моя мать?

Он покачал головой:

— Нет, не знаю. Но что, если… она не знает о твоем существовании?

— Что ты имеешь в виду? Она меня родила; это вроде бы не может быть стерто из ее памяти, ведь так?

— Что, если ей сказали, что ты не выжила?

Я вспомнила, как Уилл рассказывал мне нечто подобное. Когда, пытаясь узнать имя моей матери, он нашел медсестру, которая работала в той больнице, где я родилась, и она рассказала ему то же самое, что Дрю пытался сказать мне сейчас.

Он продолжил:

— Однажды я слышал, как Флетчер разговаривал по телефону с кем-то, кто, вероятно, как-то связан с твоим *«путешествием»* в *«Рай»*. Он также спрашивал о твоей матери, и насколько я понял, она не знала, что ты вообще выжила при родах.

— Это бред. Как он мог сказать женщине, которую когда-то любил, или по крайней мере испытывал теплые чувства, что ее ребенок умер?

— Луиза, ты не знаешь его. Твой отец способен на многое, и сострадание не входит в этот список.

— Тогда почему ты позволил ему выдвинуть свою кандидатуру на пост президента? Ты знаешь о нем столько ужасных вещей, но даже не попытался его остановить. Что, если он выиграет выборы?

Дрю проглотил остаток своего напитка и поставил пустой стакан на стол, сказав:

— Потому что… так же, как и все другие люди, которых он заставил заткнуться, я боюсь за свою жизнь. Я не хочу распрощаться с ней в куче мусора в одном из закоулков Нью-Йорка. Я скорее буду держать свой рот закрытым, чем умру.

Слова Дрю напомнили мне то, о чем, как мне казалось, я уже позабыла. Я с подозрением взглянула на него.

— Почему ты упомянул кучу мусора? Тебе что-то известно о той девушке, Изабель, которая раньше работала здесь? Знаешь, та, что была убита и позднее найдена в куче мусора?

Я увидела, как руки Дрю задрожали.

— Нет, я ничего о ней не знаю. Я говорил образно. Я не имел в виду ничего конкретного.

Но я прекрасно все поняла. Дрю был из тех людей, чья каждая мысль и эмоция были написаны на лице. Если он злился, то живьем бы зажарил вашу задницу без предупреждения, а если он нервничал, то не был способен это скрыть. Вот почему Дрю ненавидел покер, он понятия не имел, как сохранить нейтральное выражение лица. Возможно ли, что ему было что-то известно о смерти Изабель? Что-то, о чем не знал никто в клубе?

Глава 4

После своего более чем подозрительного разговора с Дрю я решила пойти и поговорить с Тесс, также известной как Валери. Она сменила имя, когда начала работать в *«Ле Папиллон»*. Она была одержима идеей отыскать убийцу Изабель, поэтому я решила, что она сможет прояснить некоторые вещи.

— Войдите! — ответила она, после того как я постучала в дверь.

Я открыла дверь в ее комнату и вошла.

— Привет, у тебя есть минутка?

Она стояла перед огромным напольным зеркалом, примеряя разные наряды для вечернего выступления.

— Чего ты хочешь? — спросила она, бросив кожаные шорты в кучу одежды, лежавшей на кровати. Как всегда, в комнате царил бардак, и ее владелица выглядела так, будто была совсем не рада видеть меня. Наш последний разговор закончился не слишком хорошо, поэтому я не могла осуждать ее за это.

— Я хочу спросить у тебя кое-что об Изабель, — сказала я.

Тесс развернулась и с подозрением взглянула на меня.

— Что ты хочешь о ней знать?

Они с Изабель были очень близки, и я была уверена, что о ночи, когда умерла бедная девочка, ей было известно куда больше, чем она говорила.

— Я знаю, что ты начала тусоваться с Роджером, владельцем *«Поцелуя дракона»*, в надежде, что он использует свои связи в полиции, чтобы помочь тебе собрать информацию о смерти Изабель.

— И?

— Однажды ты сказала мне, что не веришь, что арестованный и есть убийца, но почему? Что ты знаешь, Тесс?

Я отказывалась называть ее Валери, но, как ни удивительно, она никогда не поправляла меня.

— Какая тебе разница? — спросила она, сверля меня взглядом. — Мы все равно не сможем помочь Изабель.

— Но мы можем сделать так, чтобы справедливость восторжествовала.

Она сделала глубокий вдох и подошла к маленькому бару у стены, достала бутылку и налила себе бокал вина.

— У меня есть свои причины полагать, что Винсент — мужчина, который раньше был нашим клиентом и ее любовником — не убивал ее.

Тесс сделала несколько глотков напитка и продолжила:

— Той ночью, когда это случилось, мы с Изабель вышли пропустить по стаканчику. У нас был выходной, поэтому никто не возражал против того, чтобы мы покинули клуб. Мы пошли в один из наших любимых баров, но примерно через полчаса Изабель позвонил мужчина, которого я не знала. Он сказал, что хочет увидеться с ней, поэтому она ушла. Примерно через час она написала мне, что не вернется ночью в клуб и что мне нужно прикрыть ее. Когда я спросила, не с Винсентом ли она останется, она ответила, что была на свидании с другим. Она не назвала мне имя своего спутника. Полиция сказала, что это был один из друзей Винсента и именно поэтому Винсент убил ее, из ревности. Но я видела его той ночью. Он знал название бара, куда мы с Изабель любили ходить. Я уже собиралась уходить, когда увидела, как он входит в бар. Он не видел меня, но выглядел обеспокоенным. Он подошел к бармену и спросил про Изабель. Казалось, будто он не мог найти ее, вот почему мне кажется, что он даже

не видел ее той ночью. Согласно отчету полиции, она была убита как раз в то время, когда я видела Винсента в баре.

— Тогда почему полиция арестовала его? Какие у них были против него улики?

— Они сказали, что на ноже, найденном возле тела, были его отпечатки. Это было орудие убийства, поэтому естественно, они подумали, что Изабель убил Винсент.

— Ты кому-нибудь рассказывала о том, что видела его той ночью?

— Да, но они мне не поверили, потому что одна из камер с улицы, где было найдено тело Изабель, зафиксировала, как машина Винсента покидала место преступления. И хотя они не смогли увидеть лица водителя, все равно решили, что он для них главный подозреваемый, остальное ты знаешь.

— А что насчет парня, с которым он разговаривал об Изабель?

— Ты имеешь в виду бармена?

— Да.

— Забавно, владелец бара сказал, что парень после той ночи больше не появился на работе.

— О... это звучит как очень странное совпадение, ты так не считаешь?

— Забудь об этом, Луиза. Никто не возобновит расследование, даже если мы найдем дюжину странных совпадений во всей этой истории.

— Но почему нет?

Тесс сделала беспомощный жест и села в одно из кресел.

— Потому что кто-то заплатил дохрена денег, чтобы дело закрыли. И кто бы это ни был, это настоящий убийца.

— У тебя есть какие-нибудь идеи по поводу того, кто это может быть?

— Я думала, что да, но ошиблась. Один из друзей Роджера — офицер полиции. Он был также одним из тех, кто расследовал убийство Изабель. Официально мы встречались всего один раз, но могу поклясться — это был не первый раз, когда я видела этого мужчину. А когда он увидел меня, то занервничал, будто тоже узнал меня. Но после того дня я больше не видела его. Роджер сказал, что его отправили работать в Вашингтон.

— Ты думаешь, он настоящий убийца?

— Я не знаю, но его реакция заставила меня задуматься. К сожалению, мне так и не удалось вспомнить, видела ли я его раньше. В любом случае, почему ты спрашиваешь?

— Кое-что напомнило мне о трагедии, и я подумала, что ты, возможно, нашла способ, как узнать правду.

— Нет, увы.

Больше не было ничего, о чем бы я хотела поговорить с Тесс, и наш разговор завершился. Я уже было собралась уходить, когда мне на ум пришел другой вопрос.

— Нравилась ли Изабель Дрю?

Тесс ухмыльнулась.

— Дрю никто не нравится. А она была просто очередной девушкой, работавшей на него. Я бы знала, если бы между ними было что-то большее.

— Хорошо.

— Луиза?

— Да?

— Ты счастлива? — вдруг спросила Тесс.

— А что? Только не говори мне, что тебя заботит мое счастье.

Проигнорировав мою иронию, она спросила:

— Стоило ли ради этого уходить из клуба?

Неважно, какой сучкой она могла быть временами, я знала — Тесс хотела большего. Возможно не больше одежды и обуви, но чего-то другого, того, чего не было ни у одного из нас, —

настоящей семьи. И мы обе знали, что найти ее внутри *«Ле Папиллон»* нельзя. Независимо от того, что сказала Кейт, друзья никогда не смогут заменить тех мелочей, которые дает наличие семьи, тех, кто с тобой одной плоти и крови.

— Думаю, люди всегда получают то, что заслуживают, — сказала я. — И то, что у меня есть сейчас, стоит каждой слезинки, пролитой мной в то время, когда я была узницей *«Рая»*. Надеюсь, однажды ты найдешь то, что ищешь, Тесс.

— Хочешь сказать, ты рада жить в полном одиночестве, работать, учиться и тому, что, когда тебе нужно с кем-то поговорить, рядом никого нет?

О, она всегда знала, как нажать на мои самые больные места.

— У меня есть все, что мне нужно.

— Повезло тебе, — сказала Тесс, полным призрения голосом. Она не верила мне. Казалось, она была уверена в том, что сейчас моя жизнь была столь же ничтожной, как и тогда, когда я жила в приюте. Я не хотела говорить ей, что она ошибалась, но это было именно так. Сейчас моя жизнь была абсолютно другой. Она была лучше, и я была более счастливой... хотя и не могла проводить больше времени с человеком, который являлся причиной моего счастья.

***

Моим любимым днем недели всегда был понедельник. Многие ненавидели этот день, но не я. Для меня понедельники всегда ассоциировались с чем-то новым: новыми планами, новыми надеждами, новыми достижениями. Кроме того, я надеялась, что каждый новый день, что я проводила без Уилла, приближал меня к тому, чтобы быть с ним, не говоря уже о волнении, которое я ощущала, когда задумывалась о том, что увижу его снова.

В моей новой жизни было то, что я по-настоящему любила, — *«Балеро»*. Для меня занятия там были подобны сбывшейся мечте. Меня не заботило то, что я вынуждена работать день и ночь, чтобы быть хотя бы наполовину столь же квалифицированной, как другие студенты. Некоторые, если не все из них, танцевали всю свою жизнь до того, как были приняты в школу. У меня же не было других тренировок, кроме *«представлений»* на железнодорожной станции, которые я давала, пока находилась в *«Раю»*, и выступлений в *«Ле Папиллон»*. Все свои знания о танцах я получила, читая книги и просматривая ТВ-шоу. Но мои оценки были хорошими, действительно хорошими, и танцевальные навыки становились лучше день ото дня.

Танцы были единственным, без чего я не могла жить. Они помогали мне держаться за свои мечты, снимали напряжение и уносили прочь от проблем; когда я танцевала, все мои мысли уходили, и к тому времени, когда заканчивался танец, я чувствовала себя намного лучше, это было совершенной идиллией на фоне того хаоса, из которого состояла моя жизнь.

Помимо своих собственных занятий, я была занята и тем, что обучала учащихся *«Балеро»*, когда им были нужны дополнительные репетиции. Я не ожидала, что моя учительница, миссис Крампл, предложит мне эту должность, но она сказала, что квалификации у меня для этого более чем достаточно; это действительно удивило меня, потому что я не чувствовала, что обладаю достаточными знаниями, чтобы обучать кого-то другого. Многие студенты *«Балеро»* подрабатывали инструкторами по танцам. Школа была одной из лучших в городе, и я была удостоена чести называть себя ее учащейся.

Я быстро приняла душ, оделась и отправилась в школу. Было начало декабря, тротуар под ногами был покрыт тонким слоем снега. Мои мысли вернулись к тому времени, когда я жила в приюте. Для нас, обитателей «Рая», зима была худшим временем года. Нам не хватало теплой одежды, а то, что у нас было, едва ли вообще можно было назвать одеждой, мы выходили на улицу практически наполовину раздетыми. Мы ненавидели холод. Но у нас не было иного выбора, кроме как жить той жизнью, которую нам предлагал «Рай». Вот почему каждый день моей так называемой свободы был для меня благословением, величайшим преимуществом которого было то, что мне больше не нужно было попрошайничать.

Приблизившись ко входу в школу, я улыбнулась. Я повернула голову к парковке и заметила, что, как всегда, Кристофер припарковался поближе к дверям. И как всегда, он сидел в машине, читал утреннюю газету и пил капучино из кофейни рядом с кампусом, куда обычно ходили студенты. Самое забавное было то, что его присутствие никогда не беспокоило меня. Я знала – он был здесь, потому что Уилл не хотел выпускать меня из поля зрения, но он также знал, что я разозлюсь, если увижу самого Уилла, преследующего меня; Кристофер – другое дело. Он знал, что я ненавижу, когда меня преследуют, поэтому старался держаться *«в тени»*. Но сегодня я решила нарушить свое *«Нет, я вас даже не заметила»* правило и подойти поздороваться.

Я подошла к припаркованной машине и тихонько постучала в пассажирское окно.

– Доброе утро, Луиза, — сказал Кристофер, выходя из машины. – Что я сделал такого, что ты меня заметила?

Я рассмеялась:

— Серьезно? Вы действительно считаете, что это первый раз, когда я заметила вашу машину?

Он улыбнулся:

– Но ты никогда не говорила, что видела меня.

— Я не хотела, чтобы вы думали, что я не хочу, чтобы вы были поблизости, и разрушить ваш план по моей защите.

— А я продолжал притворяться, что не знаю, что тебе известно, что я шпионю за тобой.

Я захихикала.

— Это так в духе мистера Блэра, заставлять вас следить за мной, особенно учитывая, что я не позволяю ему лично делать это.

— Уилл не знает, что я здесь.

— Ох… он не знает, так вы своевольничаете?

— Он сказал мне, чтобы я дал тебе больше свободы, но я отказался следовать его приказу. Поэтому да, должно быть это значит, что я *«своевольничаю»*.

Я вздохнула.

— Это из-за моего отца? Вы думаете, он попытается навредить мне?

— Я доверяю своим инстинктам, Луиза, а они говорят мне, что, когда дело касается твоего отца, все возможно. Поэтому я лучше вернусь к газете и кофе, если ты не возражаешь. О, и не говори моему боссу, что видела меня здесь.

— Не скажу.

Он снова улыбнулся, и я развернулась, чтобы направиться к классу, но потом решила, что не могу уйти, пока не спрошу у него кое-что.

— Кристофер! — позвала я.

— Да?

— У него все в порядке?

Я всегда спрашивала, все ли нормально у Уилла, но после всего того, что произошло воскресным утром, вопрос казался намного более искренним, чем обычно.

— Я бы сказал, он немного рассеянный. Тебе известна причина, которая кроется за мечтательным выражением лица, что я наблюдаю у него последние двадцать четыре часа?

Я снова захихикала.

— Если честно, я понятия не имею, о чем вы говорите.

—О… а я подумал, это из-за того, что вы двое вчера встретились. Должно быть, я ошибся.

Конечно же, он знал, что мы виделись, ему было известно все, что касалось Уилла и меня.

— Не могу сказать наверняка, я не разговаривала с Уиллом со вчерашнего утра.

Кристофер не прокомментировал это, но я была уверена – этот мужчина знал каждую мысль, отражавшуюся на моем лице. Он по натуре был очень проницательным.

***

В тот момент, когда я вошла в класс, я увидела конверт, лежавший на моем столе.

— Кому-нибудь известно, что это или откуда это взялось здесь? – спросила я своих маленьких учеников. *«Балеро»* также славилась тем, что проводила уроки танцев для детей.

Евангелина, пятилетняя девочка с большими голубыми глазами, подошла ко мне и сказала:

— Я не знаю, что это такое, но это оставила незнакомка.

— Незнакомка? – спросила я удивленно. На мгновение я подумала, что конверт, скорее всего, был от Уилла, попытавшегося напомнить мне о том, что он жив и все еще ждет меня.

Потом меня поправили.

— Какая-то леди была здесь несколько минут назад и оставила это вам, — сказал Роберто, другой мой ученик. Он был наполовину испанцем, и мне всегда нравилось разговаривать с ним, его акцент был действительно милым.

— Какая-то леди? – повторила я его слова, удивившись еще сильнее. — Кто-нибудь из вас узнал ее?

— Я, — сказала Паулина, подбежав ко мне. Она была одной из моих любимых маленьких танцовщиц, которая несмотря на свой юный возраст была очень талантливая и усердная. — Она приходила, чтобы найти вас, но я не знаю зачем. И она напугала меня. Она была похожа на ведьму из той сказки, что мы с папой смотрели по телевизору прошлым вечером.

— О, правда? Ну, я уверена – кем бы она ни была, она не такая плохая, как та ведьма. Она хотя бы сказала, чего хочет от меня?

— Нет, она только спросила, ваш ли это класс. А сегодня она оставила для вас этот конверт, — Паулина указала на стол. — Видите? На нем даже ваше имя.

Я посмотрела на конверт, чувствуя легкое беспокойство.

— Спасибо, ребята. Готовьтесь, мы начнем через несколько минут.

Я подошла к столу, взяла конверт, открыла его, вытащила лежавшую в нем записку и стала читать.

«*Покинь школу. Чем скорее, тем лучше*».

Какого черта? Почему я должна покинуть школу? Кто эта женщина, оставившая записку? И почему она всегда приходит в мое отсутствие?

— Паулина? – позвала я. — Пожалуйста, подойди сюда. Ты можешь описать женщину, которая оставила это для меня?

— Хм-м… Она старая, действительно старая. Такого же возраста, как моя бабушка, но с седыми волосами. И она показалась мне злой. Ее лицо было хмурым.

— Что ты имеешь в виду под *«ее лицо было хмурым»*, почему она показалась тебе злой?

— Я не думаю, что ей нравилось находиться здесь. И она не переставая смотрела на дверь, словно боялась, что кто-то придет и увидит её здесь.

А вот это на самом деле было странно.

— Спасибо, — сказала я, сунув записку в сумку. Лучше спрятать ее, пока её не нашел и не прочитал кто-нибудь другой.

Моей первой мыслью было показать ее Кристоферу, но потом я передумала. Кем бы ни была эта таинственная женщина, она позаботилась о том, чтобы записка досталась мне, и только мне.

Слоит ли говорить, что я не переставала думать о чертовой записке весь остаток дня? Мне нужно было провести три занятия, но к концу второго кое-что произошло. Я получила еще одну записку, она была приклеена к моему шкафчику в раздевалке.

«*Будь осторожна, они близко*», — говорилось в ней. Она была написана тем же почерком, что и первая, что напугало меня еще больше. Потому что, кем бы ни была отправительница, она очевидно знала свое дело. Она хотела, чтобы я ушла, и хотела этого *сейчас*…

Позднее тем же днем, мои подозрения подтвердились, в тот момент, когда я открыла дверь в свою квартиру. На полу лежал очередной конверт. Я с трудом сглотнула, чувствуя, как колотится мое сердце. Я быстро закрыла за собой дверь и резко подняла конверт с пола, разрывая его.

«Ты слишком близко подобралась к вещам, которые должны оставаться тайной... любой ценой».

Что? Что, черт возьми, она хочет этим сказать? К каким вещам я подошла слишком близко? Последние пять месяцев я только и делала, что репетировала и работала!

Мне нужно поговорить с Уиллом. Но я не была уверена втом, что хочу этого, так как знала – он захочет запереть меня в безопасном месте — в его доме — еще до того, как я расскажу ему всю историю; одной записки будет для него достаточно, чтобы доказать, что я в опасности. Кроме того, что, если я расскажу ему об остальных записках? Подвергнет ли это опасности и его жизнь тоже? Я не могу рассказать ему, не могу подвергнуть его риску из-за нескольких листочков бумаги. По крайней мере, пока не узнаю больше о записках и их отправительнице.

Я решила подождать и посмотреть, что будет дальше. Я хотела узнать, попытается ли эта женщина снова связаться со мной, а потом, если да, я выясню все остальные детали происходящего. Если нет – ничего не случится, если я не расскажу Уиллу.

Глава 5

Во вторник утром я проснулась от телефонного звонка. Звонили с незнакомого номера. Это мог быть Уилл, но я все еще не была готова к разговору с ним. Он бы сразу понял, что со мной что-то не так, поэтому я сбросила звонок. После того как я нажала на *«Сброс»*, пришло текстовое сообщение. Оно было отправлено с того же номера.

Я прочитала: *«Остерегайся Уильяма Блэра…»*

На этот раз эта сучка зашла слишком далеко. И даже несмотря на то, что я только что узнала о ее визите в мой класс и о том, что она расспрашивала обо мне моих учеников, я была по горло сыта той игрой, которую она вела.

— Держись подальше от моей жизни! — сердито крикнула я, глядя на чертово сообщение. Не то чтобы она могла меня услышать, но мне стало немного легче. Почему-то я знала, что это была та самая женщина, которая оставляла мне таинственные записки.

Пришло время узнать, кто она и что ей нужно от меня. Я набрала номер, поднесла телефон к уху и стала ждать, пока она возьмет трубку. К моему величайшему разочарованию, никто не ответил. Поэтому я решила отправить сообщение…

«Перестань меня преследовать и пытаться связаться со мной, или я заявлю на тебя в полицию!»

Как и предполагалось, ответа не последовало. Я надеялась, что человек, стоявший за записками, звонком и сообщением, поймет мой намек и оставит меня в покое.

Я ничего не знала о таинственном преследователе… и если честно, не хотела знать. Я просто хотела, чтобы она держалась подальше от меня и моей жизни.

Не могу не отметить, что выходить из дома тем утром было невероятно страшно. Раньше я бы дошла до школы пешком, но сегодня взяла такси. Я постоянно оглядывалась в окно заднего вида, чтобы понять, не преследуют ли меня, но из-за городских пробок судить об этом было сложно.

Меньше чем за десять минут такси довезло меня до школы. Я расплатилась с водителем и медленно вышла из машины. Как только такси уехало, я развернулась и осмотрела стоянку, высматривая Кристофера.

Настроение у меня стало еще хуже, когда я не увидела его машины там, где она обычно была припаркована. Это было странно, учитывая, что он никогда не спускал с меня глаз. Я стала еще больше переживать. Множество разных страхов начали роиться в моей голове, практически лишив меня способности мыслить здраво. Я была на грани панического приступа. Мне нужно было найти способ успокоиться.

— Луиза, ты в порядке?

Я вздрогнула, услышав позади себя голос профессора Норберта. Он был моим учителем по истории танцев.

— Простите, сэр. Неудачное утро.

— Жаль это слышать, но я могу поднять тебе настроение. У меня есть отличные новости.

— Правда? – спросила я без намека на энтузиазм в голосе. Я осторожно осмотрелась вокруг, все еще боясь, что кто-то выпрыгнет из кустов, чтобы похитить меня, или случится что-то еще в таком же духе.

— Наша директриса, миссис Кормак, возвращается из своего путешествия по Европе и специально попросила, чтобы я познакомил ее с тобой, когда она прибудет.

Сабина Кормак была моим кумиром, настоящим профессионалом в мире танцев. Именно она была основной причиной того, почему я подала документы на учебу в *«Балеро»*. Я знала ее имя задолго до моего просмотра. Я всегда хотела познакомиться с ней лично.

— Правда? — спросила я, взволнованная его словами. Всего несколько мгновений назад я думала, что сегодня уже ничто не сможет улучшить мое ужасное настроение, но сейчас мне казалось, что вся суматоха этого утра улетучилась, как будто все было дурным сном, а теперь я проснулась, и все встало на свои места. Получить возможность встретиться с Сабиной — это как мечта, которая должна была стать реальностью, и я не собиралась позволять драме своей жизни уничтожить мое приподнятое настроение.

— Она будет здесь завтра около двух часов дня. Ты будешь на месте?

— Да, у меня занятия до половины второго.

— Отлично. Как только они закончатся, иди к ней в приемную и скажи ее секретарю, что я прислал тебя на встречу с нашей директрисой.

Я кивнула, будучи не в состоянии поверить, что наконец-то получу возможность познакомиться с одной из величайших икон танца за все время.

Он развернулся, чтобы уйти, но я остановила его, позвав по имени:

— Мистер Норберт?

— Да?

— Как она узнала обо мне?

— О, я отправил ей видео одного из выступлений с твоим сольным номером. Ты произвела на нее большое впечатление, и она сказала, что хочет познакомиться с тобой лично. Это большая честь, Луиза. Сабина видит талант издалека. Если она захотела познакомиться с тобой, значит, тебя ждут большие перемены.

— Надеюсь, я ее не разочарую.

— О, не беспокойся об этом. Я уверен, что все будет в порядке. А сейчас, если позволишь, мне нужно начинать урок.

— Конечно. Благодарю вас, сэр.

Я чувствовала себя так, словно у меня выросла пара крыльев, и я определенно могла бы взлететь, настолько сильным было волнение, на тот момент переполнявшее меня изнутри. Я не могла припомнить последний раз, когда была так счастлива; встреча с Уиллом не в счет. Я всегда была рада его видеть. Но сегодня у меня появилась еще одна причина поверить в то, что с настоящего момента моя жизнь будет становиться все лучше и лучше.

Я вошла в свой класс, улыбаясь во весь рот. Я была настолько счастлива, что не могла сдерживать себя. Но очевидно, моему счастью не суждено было длиться вечно. В тот момент, когда я вошла в класс, я увидела очередной конверт, лежавший на моем столе.

— Вам еще одно письмо, мисс, — сказала Паулина.

— Ребята, когда вы вошли, оно уже было здесь?

— Нет, его принесла злая пожилая женщина и оставила здесь всего минуту назад.

Я бросила сумку и выбежала в коридор, надеясь, что смогу догнать свою таинственную посланницу, но коридор был пуст. Я бросилась к лестнице, что вела в фойе, и увидела женскую фигуру, направлявшуюся к выходу. Я побежала за ней и, когда женщина уже почти вышла за дверь, поймала за руку, останавливая её.

— Не так быстро, леди.

Она развернулась и взглянула на меня, ее глаза были полны ужаса. Я тут же поняла, что она и есть та самая женщина, которую я ищу.

— Отпусти меня, — сказала она тихо, пытаясь высвободиться из моей хватки.

Ей было около шестидесяти, может быть больше, ее длинные седые волосы были собраны в небрежный хвост. Темно-карие глаза смотрели на меня с гневом.

— Только после того, как вы ответите на несколько вопросов, — бросила я, буквально потащив ее к ближайшему дивану. Я толкнула ее на сидение.

— Ай! — поморщилась она, потирая руку в том месте, где я держала ее.

— Кто вы? Что вам от меня нужно?

Она не ответила.

— Скажите мне, или, клянусь, я вызову полицию и расскажу им, что вы преследовали меня.

Я достала из кармана телефон, чтобы доказать серьезность своих намерений.

— Не нужно этого делать, — прошипела она.

— Отлично. Тогда давайте вернемся к моему первом вопросу. Кто вы, черт возьми?

— Не важно. Важно кто ты, Луиза Вудс.

Она говорила с сильным акцентом. Может быть, латиноамериканским, но было ясно, что она точно не из Нью-Йорка.

— Откуда вам известно мое имя?

— Я многое знаю о тебе, Луиза. В том числе и о твоей интрижке с Уильямом Блэром.

— У нас нет никакой интрижки. И какое отношение Уилл имеет к тому, что вы преследуете меня?

— Он не должен был тебя искать, не должен был помогать тебе. Ты не понимаешь… Из-за своих чувств к тебе он подвергает вас обоих риску.

— Как это?

— Я не могу тебе сказать. Я напугана так же, как и ты.

— Почему? Кто-то сказал вам, чтобы вы отправляли мне эти записки?

— Нет. Я делала это, чтобы помочь тебе.

— Почему вы сказали мне уйти из школы?

Женщина настороженно осмотрелась вокруг. Но в фойе мы были одни, никто не мог нас услышать.

— Потому что здесь тебе грозит опасность. Это последнее место в мире, где ты должна быть.

— Почему? Что здесь такого опасного?

— Ответ на все твои вопросы — твой отец.

— Вы имеете в виду Флетчера Монтгомери?

— Да. Ты уже знаешь, что он никогда не хотел, чтобы ты родилась, но сейчас, когда ты больше не живешь в *«Раю»* и никто тебя не контролирует, ты представляешь собой реальную опасность для его политической карьеры, не говоря уже о личной жизни. Ты понятия не имеешь, насколько злобная его жена. Если бы не финансовая поддержка ее семьи, Монтгомери не стал бы тем, кто он есть сейчас. Поэтому он никогда не простит тебя, если ты разрушишь его жизнь. И поверь мне, Луиза, твои отношения с мистером Блэром все только усугубляют.

— Что мой отец имеет против Уилла?

— Твой драгоценный Уильям любит рыться в мусоре, который лучше не трогать.

— Можно поконкретнее, пожалуйста?

Я устала от разговора с ней. Она отказывалась отвечать на мои вопросы и только оставляла еще больше причин для беспокойства о нас с Уиллом.

— Спроси у Уилла о смерти его отца.

Я вспомнила о разговоре с Кристофером о трагедии, произошедшей с мистером Блэром. Его лодка затонула в океане.

— Уилл не верит, что это был несчастный случай… Что вам известно об этом?

— Он прав. Его отец был убит.

— Кем?

— Не знаю. Но у меня есть предположения…

Я попыталась соединить слова женщины воедино и пришла к очень странному выводу.

— Вы думаете, это дело рук моего отца? — спросила я недоверчиво.

Она не ответила.

— Скажите мне! Он убил отца Уилла?

Она встала, открыла сумочку и вытащила оттуда маленький смятый листок бумаги.

— Я собиралась отдать тебе это немного позже… но если ты хочешь узнать больше, найди этого человека.

Я взяла записку, развернула ее и прочитала имя: «*Дебора Гриффин*».

— Кто она?

— Она та женщина, которая знает настоящую причину смерти мистера Блэра. И Луиза, прости меня, но это все, что я могу рассказать тебе. Но послушайся моего совета — перестань приходить сюда. Это ни к чему хорошему не приведет.

— Но я не могу бросить *«Балеро»*. Я обожаю это место! Здесь вся моя жизнь. Почему я должна уйти?

Женщина сглотнула, покачав головой.

— Больше никаких вопросов. Я и так сказала тебе слишком много.

Она собралась уходить, но я остановила ее.

— Почему вы пытаетесь помочь мне?

Она стояла молча, отказываясь смотреть на меня.

— Расскажите мне, пожалуйста.

Ее глаза встретились с моими, и впервые с того момента, как я встретилась с ней, она не выглядела сердитой. Ее черты смягчились, губы растянулись в едва заметной печальной улыбке.

— Потому что я знаю, какой несправедливой была твоя жизнь, и поверь мне, о такой жизни мне известно все.

Потом она направилась к двери, и на этот раз я уже не пыталась ее остановить.

Я продолжала стоять в фойе, держа в руке записку с именем незнакомки, понятия не имея, что делать дальше. Конечно же, я могла позвонить Уиллу и спросить его о Деборе Гриффин, но когда я вспомнила слова женщины о Уилле и о том, что он сует нос в секреты, которые не должны быть обнародованы, то передумала. Я не хотела втягивать его в очередные неприятности. Был еще один человек, который мог помочь мне найти Дебору.

Я снова достала из кармана телефон и набрала номер Дрю.

— Окажите мне маленькую услугу, — сказала я в трубку. — Если я отправлю тебе имя, сможете узнать по нему адрес?

— Могу попробовать.

— Хорошо, отправляю.

— Окей.

Я отправила Дрю сообщение и вернулась в класс, где меня ждали дети, чтобы начать тренировку.

Позднее, вернувшись домой, я зашла в Интернет и попыталась найти хоть какую-нибудь информацию о Деборе Гриффин. Я не нашла ничего, кроме пары профилей в Фейсбук с таким же именем, которые едва ли могли быть мне полезны. Затем я открыла веб-сайт, посвященный предвыборной кампании моего отца, и стала просматривать фотографии. Я никогда не искала информацию о нем. Я никогда не пыталась узнать больше о его семье или его детях, но сейчас мне вдруг захотелось узнать о нем все. Не потому, что я завидовала тому, что имели его дети. Скорее мне было просто любопытно, правдой ли были слова о его связи со смертью отца Уилла, сказанные моей преследовательницей.

Живя в *«Раю»*, я видела, как зависть разрушает дружбу, убивает доверие и заставляет людей ненавидеть друг друга. Именно поэтому я никогда не испытывала этого чувства ни к чему и ни к кому, потому что понимала: у людей может не быть даже того немногого, что есть у меня.

На сайте было много фотографий моего отца и его жены. Ее звали Стейси. На одной из фотографий я увидела двух девушек, стоявших по обеим сторонам от них. Согласно статье,

написанной под фотографией, это были мои так называемые сестры, Одри и Эмеральд. Уилл был прав, они были моего возраста. На мгновение я задумалась: что было бы, если бы я встретилась с ними лично? Что бы они подумали обо мне? Возненавидели бы меня? О да, скорее всего. Ведь я была незаконнорожденным отпрыском их дорогого папочки.

Рассердившись, я захлопнула ноутбук. Бессмысленно мучить себя мыслями о том, что никогда не случится. Мой отец никогда не позволит другим своим дочерям узнать обо мне, а у меня не хватит смелости рассказать все самой.

Нужно ли мне знать их? Нет, не нужно. У нас не было ничего общего, кроме нескольких капель крови, спасибо папочке. Но это едва ли имело значение, учитывая, что мы жили в совершенно разных мирах, так далеко друг от друга.

Я пошла на кухню, налить себе чашечку кофе, когда услышала, что в дверь постучали. И тот, кто стоял за ней, был, очевидно, разражен, он или она даже не подумали воспользоваться дверным звонком, они очевидно предпочли выбить мою дверь к чертовой матери.

Я пошла ответить на стук, и в этот момент в мою квартиру ворвался Уилл с криком:

— О чем ты только ты думала, Луиза?

Я уставилась на него наполовину удивленно, наполовину обеспокоенно. Не помню, чтобы я сделала что-что, что не было бы им одобрено или рассердило бы его.

— И тебе привет, и я понятия не имею, о чем ты говоришь. Удосужишься объяснить?

— О, да, конечно, я объяснюсь… Почему ты никому не рассказала о том, что тебя преследуют?

— Кто конкретно? Кристофер? Или, может быть, шпионы моего отца, которые, я уверена, никогда не устанут сновать поблизости и сообщать ему о каждом сделанном мною шаге, что я ела на завтрак и даже какой туалетной комнатой я пользуюсь, когда я в школе… Ты имеешь в виду этих парней, верно?

— Нет, я имею в виду Ри Гарсиа, — сказал Уилл, поставив руки на бедра. — Женщину, которая приходила сегодня к тебе в школу.

— Но как ты…

— Как я узнал, что она была там? Кристофер видел, как она покидала здание школы этим утром. Его не было там, когда она пришла, он приехал, когда она уже уходила. Он последовал за ней и узнал, что она приходила, чтобы предупредить тебя о чем-то. Она немногое сказала ему. Это все правда?

— Да. Она сказала, что посещать *«Балеро»* небезопасно и что мне нужно перестать ходить туда.

— Что еще она сказала тебе?

— Ничего. А что?

Уилл потер переносицу и несколько раз глубоко вздохнул, очевидно пытаясь успокоиться.

— Она представилась?

— Нет. Но ты знаешь ее имя. Откуда?

— Ри – медсестра, о которой я тебе однажды рассказывал. Она работала в той больнице, где ты родилась.

— О, Боже! По крайней мере теперь мне ясно, откуда она знает обо мне.

— Она знает больше, чем ты думаешь, Луиза. И тебе лучше больше никогда с ней не видеться.

— Потому что мой отец может узнать, что она приходила, чтобы поговорить со мной?

— Именно. В день, когда ты родилась, она пообещала ему, что никогда никому о тебе не расскажет. Потом пришел я, чтобы задать несколько вопросов о тебе, и твой отец знал, что она была единственным человеком, знавшим о том, что на самом деле произошло в больнице в

ночь твоего рождения. Поэтому если он узнает, что она приходила, чтобы поговорить с тобой, то позаботится о том, чтобы она больше никогда ни с кем не заговорила.

— Я не подумала об этом… Я думала, что она была из окружения моего отца, я и представить не могла, что она та самая медсестра, от которой он откупился.

— Господи, Луиза, как же ты не можешь понять… Когда Кристофер рассказал мне, что она приходила, чтобы увидеться с тобой…

Уилл подошел ближе и обнял меня, притянув к груди.

Так хорошо было снова оказаться в его объятьях, особенно после того ада, через который мне сегодня пришлось пройти.

— Я в порядке, ничего не случилось, — сказала я.

— Мы этого пока не знаем.

— Что ты имеешь в виду? — Я немного отодвинулась, чтобы видеть его лицо.

— Люди Монтгомери повсюду. Если они видели, что Ри приходила в твою школу, возможно, мы больше никогда ее не увидим.

— О, нет... Ты знаешь, где она живет? Мы могли бы пойти и забрать ее туда, где она будет в безопасности.

— Ведь это так же хорошо сработало в твоем случае, верно? Я пытался сделать так, чтобы ты жила со мной, где была бы в безопасности, но ты предпочла быть свободной. Ты думаешь, в ее случае все будет иначе?

Я закатила глаза, понимая, что он прав.

— Кроме того, я не знаю, где она сейчас живет. Кристофер нашел ее в баре неподалеку от школы. Он не подумал о том, чтобы проследить за ней и узнать куда она отправится после бара, поэтому я понятия не имею, где ее искать. Квартира, в которой жила Ри, продана, а новым владельцам ничего о ней неизвестно.

— Что же мы будем делать?

— *Мы* ничего не будем делать, но *я* постараюсь узнать, известно ли людям Монтгомери о твоей встрече с Ри. Кроме того, я думаю, что сейчас самое время, чтобы ты перестала вести себя как упрямая девчонка и переехала ко мне. Или, если хочешь, я могу переехать сюда. Выбирать тебе, но ты не должна оставаться одна.

Я покачала головой и отступила назад. Находясь в объятиях Уилла, сложно было сказать *«нет»* на то, чего он хотел от меня.

— Я не могу. Ты знаешь это.

— Прости, Луиза. Но после того, что произошло сегодня, я ни за что не оставлю тебя. Поэтому даже не пытайся отговорить меня от присмотра за тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.